

СМЕНА

Ω

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК ВКП/б, ПРСВАС

Звезды СМЕНИ

ВЫСОКАЯ НАГРАДА

Первого февраля опубликован Указ Президиума Верховного Совета СССР о награждении 172 советских писателей за выдающиеся успехи и достижения в области советской художественной литературы.

За последние годы советская литература обогатилась рядом прекрасных произведений. О росте нашей художественной прозы свидетельствуют такие замечательные книги, как «Тихий Дон» и «Поднятая целина» Шолохова; «Петр I» и «Хлеб» А. Толстого; «Беллет парус одинокий» и «Я, сын трудового народа» В. Катаева; «Одиночество» и «Закономерность» Н. Вирши; «На востоке» П. Павленко и ряд других.

Поэты Н. Тихонов, С. Маршак, А. Гвардовский, В. Лебедев-Кумач, С. Михалков, П. Тычина, Н. Бажин, Я. Купала, М. Рыльский, Я. Козак, С. Чикванин, Г. Лонглеизе, П. Маршак по-прежнему создают чудесные стихи и песни.

Драматурги и сценаристы Н. Погодин, А. Корнейчук, К. Гренев, В. Визинский, А. Файко и др. создали ряд интересных произведений для театра и кино.

В числе награжденных есть молодые поэты и писатели, чьи немногочисленные пока произведения говорят о таланте и о том, что авторы их в дальнейшем дадут много своего народа. Таков молодой писатель Ю. Крымов — ав-

тор повести «Танкер «Дербент», трагедии А. Первцева — автор «Котухин», С. Диконский — автор «Платонов», таковы совсем молодые поэты М. Алигер, Е. Долматовский, К. Симонов и др.

Высокая награда, несомненно, является для писателей новым стимулом к дальнейшей работе над созданием произведений, достойных нашей великой родины, нашего великого народа, достойных сталинской эпохи.

«Величайшее внимание партии и правительства к нашей писательской работе приобретает особенное значение именно сейчас, — пишет тов. Павленко, — оно совпадает с XVIII съездом ВКП(б), съездом, который подожжет грандиозные достижения двух сталинских пятилеток и мобилирует весь советский народ на осуществление еще более гигантских дел третьей пятилетки.

Это означает, что партия и страна ждут от нас удесятеренной творческой энергии, удесятеренного внимания к темн нашей современности, активной личной борьбы за линию партии, тесной связи с эстетическими запросами народа. Только то, что нужно и важно для народа, способно найти высокие художественные формы, и наши поиски должны идти именно в этом направлении».

ХАСАНОВЕЦ ВОСПИТЫВАЕТ СМЕНУ

Младший комсомолец тов. Митин участвовал в боях на фронте и оступил в комсомол.

Сейчас тов. Митин работает воспитателем в детском доме Чебынского района, Новосибирской области.

На этом фото мы видим тов. Митина, проводящего занятия по стрельбе с отличниками учебно-таней Пономаревой и Володей Некрасовым.

ПЕРВАЯ ЭПРОНОВКА

Семнадцатилетняя комсомолка Вера Лазарева — первая девушка, пришедшая в балаклавский водолазный техникум Эпрона.

Зимой занятия идут в Кавказе. Вера Лазарева успешно изучает теорию водолазного дела. Весной, когда начнутся первые слухи под воду, Вера вместе с молодыми эпронцами приступит к практическим подводным занятиям.

Начальник учебной части техникума орденосец Феоктист Андреевич Шаповалов за долгие годы своей педагогической работы впервые обучает водолазному делу девушку. Но старший водолазный специалист доволен Лазаревой. Вера — отличница учебы.

На снимке: Вера Лазарева рассказывает тов. Шаповалову об устройстве шлема водолазного скаффандра.

МОЛОДЫЕ ТАЛАНТЫ

На снимке (слева): Нина Петухова в годы службы в Черноморском Военно-Морском флоте; на рисунке (справа) — Н. Петухов в роли Ленского в опере «Вечный Онегин» на рисунке (внизу) — Ивана Шмелев в роли Онегина.

Рисунки худ. М. Миловоиского.

Артиллерист крейсера «Коминтерн» Николай Петухов выступил на вечере красноармейской самодеятельности. Присутствовавший на вечере нарком обороны К. Е. Ворошилов обратил внимание на способного певца.

Когда Петухов ушел со сверхсрочной службы (это было в 1934 году), его направили учиться в Московскую консерваторию. Благодаря спонсу голосовым данным он был принят в конкурс.

Недавно в оперной студии им. Шаповалов при Московской государственной консерватории шла опера Чайковского «Евгений Онегин». Исполнителями были студенты консерватории.

В роли Ленского выступил Николай Александрович Петухов — бывший краснофлотец Черноморского флота, бывший также капитан Балтийского завода в Ленинграде.

Студент 4-го курса Петухов поет уже три партии: Ленского в «Снегурочке» и Ленского в «Евгении Онегине».

Роль Онегина исполнял комсомолец Иван Шмелев — в недавнем прошлом слесарь воронежского паровозоремонтного завода имени Дзержинского.

Шмелев окончил заводское ФЗО, был организатором и активным участником «Славей Булав» при заводском клубе. Комсомольская организация направляла Ивана в воронежское музыкальное училище, где он занимался без отрыва от производства.

В 1935 году Иван Шмелев стал студентом Московской консерватории. Роль Онегина — первая работа Шмелева в Москве. Сейчас он работает над двумя партиями: Марселя в «Богеме» и Фигаро в «Севильском цирюльнике»; готовится к исполнению партии Валентина в «Фаусте», Марселя в «Кармен» — и выступил в опере советского композитора Хренникова «В бурю».

Недавно И. Шмелев был принят в солисты государственного музыкального театра имени В. И. Немировича-Данченко.

ПОСЕТИТЕЛИ ИСТОРИЧЕСКОЙ БИБЛИОТЕКИ

Первой посетительницей Центральной Исторической публичной библиотеки, открывшейся в Москве 21 декабря 1938 года, была студентка МГУ Лена Чистякова.

Она готовила работу «Личная характеристика Хаджи-Мурата» и получила в Исторической библиотеке весь необходимый материал.

— Через двадцать минут после сделанной мной заявки, — говорит Е. Чистякова, — я получила редайчайше экземпляры книг, в том

и Хаджи-Мурат — один из виднейших вождей кавказских племен и 20—60-х годов XIX столетия, герой многих кавказских народных легенд.

На фото: первая посетительница Исторической библиотеки Елена Чистякова.

числе переведенные с аварского языка рассказы о Хаджи-Мурате его родных.

Новая библиотека с первых же дней начала работать культурно. Посетителям не приходится долго дожидаться заказанных книг. Срок выдачи нужных материалов здесь исчисляется минутами.

Через час после открытия Центральной исторической публичной библиотеки в общем читальном зале занимались пять студентов МГУ и один рабочий-слесарь.

Первым посетителем Исторической библиотеки понадобился: ред статей Маркса и Энгельса, «Лекция по русской истории» революционного издания, хрестоматия по истории средних веков, журнал «Русская старина» и другие книги.

СМЕНА

журнал рабочей молодежи

Орган ЦК и МК ВЛКСМ

Год издания XVI № 2 февраль 1939 г.

В НОМЕРЕ:

На титульной странице: **АЛЕКСЕЙ БОБЫЛЕВ** — Священная клятва.

ВОСЕМНАДЦАТЫЙ СЕЗД ПАРТИИ БОЛЬШЕВИКОВ (передовая).

А. ЛЕБЕДЕВ — Морские стихи

Л. ЛУЦКИЙ — Луганский слесарь (очерк)

И. ОРАТОВСКИЙ — Баллада

Р. БЕРШАДСКИЙ — Детство в Васильеве (очерк)
Герой Советского Союза **А. СЕРОВ** — Будем, как Чкалов!

Ю. ШЕР, А. СОЛОВЬЕВ — Командир танка (рассказ)

С. ГАРБУЗОВ — Оружие обреченных (статья)

А. ШАРОВ — Нарисованный человек (сказка)

П. МАНУИЛОВ — Пограничники Тянь-Шаня (очерк)

Полковой комиссар **П. ФИСУНОВ** — Доблестные воины Страны советов (статья)

О. ЛАНДЕР — Если завтра война... (фотоочерк)

Е. БЕРКОВ — Слава Суворова (очерк)

Л. ЗИЛЬБЕР — Василий Быков (рассказ)

В. САФОНОВ — Вечность и бесконечность вселенной (статья).

Л. КОСТИН — Ложная чуткость (статья)

ТОЛЬКО ЛИ В МОСКВЕ? — Отклики на письмо тов. Сахаровой

Я. МЕЛЬНИКОВ — От Пашнина до Летчфорда (очерк)

В НЕДАЛЕКОМ БУДУЩЕМ (рисунки Б. Анфилова, текст К. Верина)

Е. и С. ШАТРОВЫ — На старом кладбище (юмореска)

ДНЕВНИК «СМЕНЫ»: Высокая награда. Хасановцев воспитывает смену. Первая зипронука. Молодые таланты. Посетители Исторической библиотеки.

ПАМЯТНЫЕ ДАТЫ: Эдуард Багратион (5 лет со дня смерти); Д. И. Менделеев (105 лет со дня рождения)

ЗАМЕТКИ ОБ ИНТЕРЕСНЫХ КНИГАХ: Ю. Грачевский — На льдине.

Шахматы. Чайворд

Рисунки художников: И. Гринштейна, Г. Балашова, Г. Васильева, М. Храпковского, М. Милославского, И. Семедова, Б. Анфилова, Д. Дубинского, Ю. Цищевского. Фото Д. Дебובה, И. Гуцина, О. Ландер.

На обложке: Связисты (Фото А. Слудского). На обороте обложки: Буер на взорье (Фото В. Уткина).

Фото И. Гуцина

Священная клятва

Мы, молодые курсанты, прочли указы Президиума Верховного Совета СССР о текстах и порядке принятия военной присяги.

Как взволновала нас, молодых бойцов, весть о том, что в день годовщины Красной Армии, 23 февраля, мы вместе со всей Красной Армией будем принимать военную присягу. Мы присягаем на верность своему народу, своей советской родине, своему рабоче-крестьянскому правительству.

В назначенный час наша часть выстроится в каравальную форму. Выйдет вперед командир и еще раз напомнит нам о значении военной присяги. А потом по ротам, батальонам, командам каждый боец прочтет вслух присягу, давая священную клятву до последней капли крови защищать великую родину. Собственноручная подпись бойца скрепит его слова. Командиры подразделений вручат список командирам части, и под звуки торжественного марша пройдем мы по плацу, унося на всю жизнь память об этом торжественном и радостном дне.

Военная присяга требует от нас высоких большевистских качеств. Честность, храбрость, дисциплинированность, бдительность — вот качества, рождающие героизм.

Я, сын колхозника, пришел в Красную Армию, окончив станко-строительный техникум. Это мне хорошо помогает в изучении сложной военной техники. Я знаю: для того, чтобы по-большевистски выполнить священную клятву, чтобы защищать родину мужественно, умело, с достоинством и честью, не щадя своей крови и самой жизни, нужно знать на «отлично» военное дело.

В царской армии была такая поговорка: «Дурак идет в пехоту, богатый в кавалерию, умный в артиллерию, а плаццы во флот». В Красной Армии все роды войск почетны и требуют высокой выучки. Пехотинец и артиллерист, моряк и кавалерист, как один человек, готовы защищать свою родину до последнего дыхания.

Каждая строчка присяги — разящий удар по нашим врагам, каждое слово присяги для нас торжественно. Мы будем защищать Советский Союз до последней капли крови, до полной победы над врагами.

АЛЕКСЕЙ БОБЫЛЕВ,
курсант И-ной части.

Живи, выразитель неугнувшейся силы,
Нарком обороны страны, Ворошилов!

Живи, победитель в великих боях,
Чья светлая слава сияет в веках

На счастье народов — могуч, гениален,
Создатель и воевода Красной армии — Сталин!

ДЖАМБУЛ
(«Вооруженный народ»)

К сведению всех организаций ВКП(б)

Решением Пленума ЦК ВКП(б) открытие очередного XVIII съезда ВКП(б) назначено на 10 марта 1939 года.

НОРМА ПРЕДСТАВИТЕЛЬНОСТИ И ПОРЯДОК ВЫБОРОВ:

- 1) 1 делегат с решающим голосом на 1.000 человек партии;
- 2) 1 делегат с совещательным голосом на 2.000 кандидатов в члены партии;
- 3) Выборы производятся закрытым (тайным) голосованием на областных, краевых партийных конференциях и съездах нацкомпартий. В украинской, белорусской, казахстанской и узбекистанской партиорганизация выборы делегатов на съезд производятся на областных партийных конференциях.
- 4) Коммунисты, состоящие в партийных организациях Красной армии, Военно-Морского флота и частей НКВД, производят выборы делегатов на XVIII съезд вместе с остальными партийными организациями на областных, краевых партконференциях или съездах нацкомпартий.

СЕКРЕТАРЬ ЦК ВКП(б) И. СТАЛИН.

ПОРЯДОК ДНЯ XVIII СЪЕЗДА:

1. Отчетные доклады: ЦК ВКП(б) — докладчик — т. СТАЛИН, Центральная ревизионная комиссия — докладчик т. ВЛАДИМИРСКИЙ, делегация ВКП(б) в ИККИ — докладчик т. МАНУИЛЬСКИЙ.
2. Третий пятилетний план развития народного хозяйства СССР — докладчик т. МОЛОТОВ.
3. Изменения в уставе ВКП(б) — докладчик т. ЖДАНОВ.
4. Выборы комиссии по изменению программы ВКП(б).
5. Выборы центральных органов партии.

XVIII СЪЕЗД ПАРТИИ БОЛЬШЕВИКОВ

10 МАРТА в Москве открывается очередная, XVIII съезд Всесоюзной коммунисической партии (большевиков).
Решение Пленума ЦК ВКП(б) о сроке созыва и порядке дня XVIII съезда партии было опубликовано в печати 27 января. Вслед за этим трудящиеся нашей родины с глубоким интересом ознакомились с документами огромного исторического значения — тезисами доклада тов. В. Молотова о третьем пятилетнем плане развития народного хозяйства СССР и тезисам доклада тов. А. Жданова об изменениях в уставе ВКП(б). Тезисы этих докладов одобрены в основном Политбюро ЦК ВКП(б).

Пятилетие, истекшее со времени предлаженного XVIII съезда партии, было богато крупнейшими победами партийных и непартийных большевиков, счастливых современников великого Сталина.

XVII съезд партии, вошедший в историю как «съезд победителей», собрался в январе 1934 года, в начале второй сталинской пятилетки. Гигантские задачи поставил XVII съезд партии. Предстояло разрешить сложную историческую задачу второй пятилетки — окончательно свести с лица советской страны все формы эксплуататорских классов и их эксплуататорско-эксплуататорские классы, искоренить полностью причины, порождающие эксплуатацию человека человеком. Предстояло произвести полное техническое перевооружение всего народного хозяйства, усилить оборонную мощь страны, подготовить новые квалифицированные кадры для достижения все более высокой производительности труда.

Сегодня, оглянувшись пройденный за эти пять лет героический путь, каждый большевик может с законной гордостью сказать:

— Мы справились, товарищи!

В экономике нашей страны, в классовой структуре советского общества произошли коренные изменения. Ликвидированы эксплуататорские классы, все эксплуататорские элементы. Классовые грани между трудящимися СССР стираются, исчезают экономические и политические противоречия между рабочими, крестьянами и интеллигенцией. В нашей стране осуществлена в основном первая фаза коммунизма — социализм.

Второй пятилетний план, как и первый, полностью выполнен. По уровню валовой продукции промышленности СССР занял первое место в Европе и второе — в мире.

Любимое детище советского народа, созданная 21 год назад Лениным и Сталиным Рабоче-Крестьянская Красная Армия, оснащенная новейшей, искроумной техникой, грозная и мужественно боюшая Красная Армия, крепость и силу советского оружия испытаны на все народные японские самураи, осмелившиеся посягнуть на священные рубежи нашей родины.

Советский народ получил в свои руки золотую книгу социализма — Сталинскую Конституцию. На основе новой Конституции, построенной на началах развитого социалистического демократизма, в конце 1937 и летом 1938 года были проведены выборы в Верховный Совет СССР и в Верховные Советы союзных и автономных республик. Выборы продемонстрировали морально-политическое единство советского народа, безграничную преданность трудящихся большевистской партии, товарищу Сталину.

Крепчайший блок коммунистов и беспартийных, морально-политическое единство советского народа со всей силой выжили в той единодушной поддержке, которую оказали трудящиеся партии Ленина—Сталина в борьбе со злейшими врагами народа — троцкистско-бухаринскими шпионами и убийцами. Советский народ помнит указания товарища Сталина о том, что наша страна находится по вражескому капиталистическому окружению, что враги находят себе оплотнение среди осколков разбитых контрреволюционных партий, групп и группировок, что нужно всегда держать порох сухим. Опиравсь на поддержку всего советского народа, партия разгромила основные вражеские гнезда и будет вечно беспощадно разрываться со всякой фашистской нечистью.

Несколько месяцев назад вышел в свет «Краткий курс истории ВКП(б)» — оружие коммунистов и идейный стержень оставления «Краткого курса истории ВКП(б)» принимал участие лично товарищ Сталин.

Товарищ Сталин привел нашу страну к социализму. Товарищ Сталин ведет советский народ по ленинскому пути к полному торжеству коммунизма.

Третья сталинская пятилетка — новый гигантский шаг по пути к полному торжеству коммунизма. Прочтите тезисы тов. В. Молотова, изучайте в каждую минуту, заглядывая на карту «Необъятного Советского Союза», — вы представите себе захватывающую картину невиданного расцвета промышленности, сельского хозяйства, культуры.

Тезисы доклада тов. В. Молотова — документ огромного историко-исторического значения. Читая, изучая этот документ, каждый трудящийся испытывает чувство законной гордости одержанными победами социализма, чувство глубокой уверенности в полном торжестве коммунизма в СССР и во всем мире.

Прочтите тезисы тов. А. Жданова об изменениях в уставе ВКП(б). Каждая строка этих тезисов пропитана сталинскими заботами, организационной мощью и крепостью нашей партии, каждая строка, каждое слово и исключительной силой отражают величие побед социализма и возросшую роль партии, роль каждого

ее бойца в дальнейшей борьбе за построение коммунистического общества.

Встреч о съезде XVIII съезда партии и предельно сокращенные документы Центрального Комитета встречены всеми членами партии, комсомольцами, всеми трудящимися с небывалым подъемом и воодушевлением. Каждому рабочему, шахтеру, интеллигенту хочется встретить XVIII съезд партии новым успехом, отличной работой, производственным подарком матери-родины.

Заслуженный забойщик, а теперь руководитель крупнейшей в стране угольной комбината Никита Изотов сообщил: «Готовясь к XVIII съезду партии, горняки комбината «Сталингоуголь» берут на себя обязательство заготовить до начала съезда на уровне не менее 130 тысяч тонн в сутки вместо плановых 122 тысяч тонн».

Знатный карельский лесоруб Петр Готиев вместе со своим званием взял за 30 рабочих дней до открытия XVIII съезда ВКП(б) 500 норм на рубку леса.

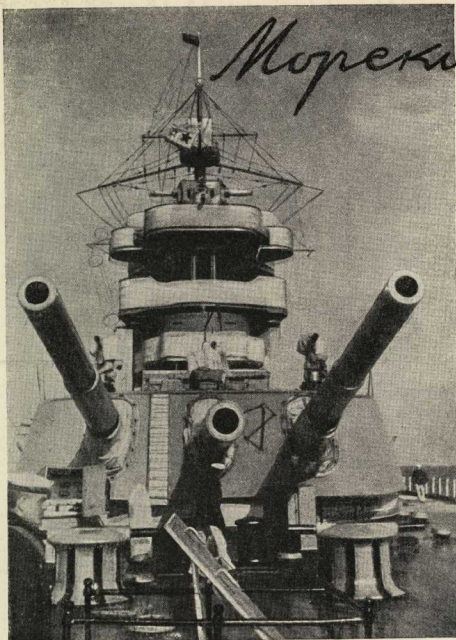
«Как один, придем к съезду с новыми успехами боевой подготовки, покажем партию и правительству, что мы всегда готовы разгромить неумолимого врага, если он посягнет на нашу пасть», — заявил участник хасанских боев политрук-орденоносец Столяров на митинге Н-ской части ордена Ленина 40-й дивизии Первой Особой Краснознаменной армии.

Разнообразные трудовые подарки матери-родины к XVIII съезду партии готовят комсомольцы, вся советская молодежь. Молодые работники ленинградской фабрики «Сормолах» обязались ежедневно выполнять сменную программу на 110%. Молодежная бригада браковщиков Ташкентского текстильного комбината взялась выполнять квартальный план к 20 февраля.

В сталинском цехе Сталинградского тракторного завода созданы молодежные бригады имени XVIII съезда партии. Комсомольцы взяли на себя обязательство — систематически выполнять новые нормы выработки.

Пронесшие по всей стране комсомольские конференции продемонстрировали исключительную сплоченность ленинско-сталинского комсомола, всей советской молодежи вокруг большевистской партии, вокруг товарища Сталина, готовность молодых большевиков беспощадно бороться с врагами нашей родины. Оптимизм, радость и уверенность, оптимизм, оптимизм и политическое раздвоенность элементов комсомола с огромным подъемом встречает XVIII съезд партии.

Молодые патриоты советской страны вместе со всей трудящейся готовятся достойно встретить исторический XVIII съезд партии — съезд победного строительства СССР к полному торжеству коммунизма!

Морские стихи

Большой флот

Мы земли храним и гауби,
Которых не ведал лот,
Одиннадцати республик
Мы бережем тепло.
Равнины, леса и фиорды,
И тысячи звезд с высоты,
Надежда, слава и гордость,
О родина, это ты!

Мы слышим вражеский шорох,
Ты говоришь:

«Пора!»

И воля твоя —
линкоры,
И слово твое —
крейсера.

До южных архипелагов,
За кромку полярных льдов
Доходит зарево флагов
На мачтах советских судов.
И наши сердца и сила
Зажгутся в грозах боев,
Чтоб так же уверенно билось
Великое сердце твое.

Вперед

За светлую славу,
За куре, что летит нам вождь,
За новую мощь подлава,
За новую линкоров мощь,
За силу под'ёмных кранов,
За голос страны в груди,
За волны пяти океанов,
Которые мы победили.
За верфи и эллинги наши,
За дальний снарядов лёт,
За крепкую броню башен —
За

Грозный
Советский
Флот!

Севастополь

Солнцем выжженные горы,
Устремленный в небо тополь,
Покидаем славный город —
Флотский город Севастополь.

Цепь уже гремит по кляузу,
За кормой всплывает пена,
Побережья Союза
Отстают постепенно.

Ударяет в снасти ветер,
За морем чужие страны.
Маяки родные светят
Нам с утесов Инкермана.

Всем кланусь: морской отагой,
Славным именем курсанта —
Корабли чужого флага
Здесь не высалят десанта!

Сон не склонит наши веки,
Вахты флота не задремлют,
Не топтать врагам навеки
Крыма пламенную землю!

Фото Д. Дебаева.

ЛУГАНСКИЙ СЛЕСАРЬ

Л. ЛУЦКИЯ

1. НАЧАЛО ЖИЗНИ

Двадцать третья января тысяча восемьдесят восьмидесяти первого года началось, как начинались в царской России тысячи дней. В Петербурге, на Дворцовой площади, стояла забавная по величине булыжника, сменявшая гардежский караул.

В Туркестане под ласковым виварским солдцем царские солдаты жили завоеванными князьям, добывая штыком и прикладом безоружных узбеков.

В селе Иваново, в селе Орехово-Зуеве, в Москве белокаменной, на морозовских, кузнецких, бурлукинских мануфактурах чачотные люди, капля в кровлю, текли на туркестанского хлопика веселые цветные слитки.

По южной степи, принимая латвии сырую траву, шагали строить чукотку освобожденные от земли орловские мужики.

Пузатый паровоз мчал по свежей настиле платформы с глыбами угля и листами железа.

Под землей сапожники, став на четаеренки, тащили вагонетки с антрацитом.

В банкирских домах Парижа, Лондона, Брюсселя клерки и контаблы, шелкая костяшками счетов, переводили дюневский уголь и металлы в фунты стерлингов и франки.

Шел день, один из многих в несомечной веренице похожих дней...

В привольском городе в классе мужской гимназии садился за парту мальчик — Володя Уляилов.

В этот день в дюневской усадьбе, в селе Верхнем, Бахмутского уезда, Екатериновской губернии, родился сын путевого сторожа — Климент Ефремович Ворошилов.

На тысячи десятии раскинулась земля помещика Алчевского. Сотни батраков гудели снами в помещичьей экономике.

Как-то в праздничный день господину Алчевскому захотелось развлечься. Взяв кулек с лепешками конфетами, он вышел на веранду и стал швырять их пригоршнями в толпу деревенской детворы. Вдруг друга с ног, ребята бросались подбирать редкие для них лакомства.

Один только босяковский мальчик, лет одиннадцати, со вздернутым носиком, заломив набок фуражку и заложив руку за борт голубой рубашки, остался на месте. В глазах его зажеглись злые огоньки.

Живуч за наш счет,— сказал он подошедшему приятелю и кинул на господский обояник,— а мы страдаем...

Клим Ворошилов многое уже успел испытать на своих худеньких, неокрепших плечах. Он видел амбара, наполненные золотистой пышней. Было, от зарни до зарни лопатали от пшеницу, получая двугривенный за день. А дома иншей закопченный потолок, покосившаяся стена, глиняный пол, тесные яры, тусклые окна и на стене неизменный постный борщ да ржаные галушки.

Воронеж, нередко стоишь и восте пестуков. Тогда Клим со старшей сестренкой шла эпо мучу выпрашивать хлебные крошки. Эту работу долго мальчик познал уже в пять лет. Семь лет он копшился у шахты, за гривенник в день выбирал из угля колчедан. Десять лет нас с отцом помещичьей скот, потом батраком у кулака. Одинадцать лет работал мальчиком в рудничных мастерских.

Непокорным и смелым рос Клим. Это было у него в крови. Таким же непокорным был и его отец — Ефрем Андреевич Ворошилов. Даже долгие годы, проведенные в николаевской казарме, не вытравли из «деда Ефрема» бунтарский дух. Он не терпел оскорблений, никогда не давал с помещиками, управляющими, мастерами, часто переходя из экономики в эко-

2. ВОЛЧИЙ БИЛЕТ

В 1896 году Клим Ворошилов поступил на металлургический завод Донецко-Юрьевского общества.

Первые месяцы он работал мальчиком в конторе. Здесь ему часто приходилось отворять верхнюю часть. Уже тогда Ворошилов был умелым слесарком.

Смышленного грамотного подростка прочли в конторе. Но Клим не удержимо тгнудю в шах, к рабочим. Он поступает в литейную подручную слесаря, проходит за полгодю (вместо обычных двух — трех лет) ученический стаж и становится машинистом электрового крана.

В 1907 году Ворошилов впервые столкнулся с царскими властями. Вышло это так. Клим с товарищами шел по улице. На скамейке у дома почтмейстера сидят, болтая с дамами, полицейский приста Грехов. Ребята поклонились «начальству». Один Ворошилов прошел как ни в чем не бывало. Разсерженный приста подскокнч к нему и, тича кулаком в лицо, заорал:

— Почему не кланяешься? Не видишь что ли кто ты сияешь?

Клим в ответ громко рассмеялся. Рассердившись, Грехов выскочил в его рубашку. Но и Клим не остался в долгу. Если бы не подоспевшие полицейские, тут бы пришел бы пристапу. «Стража юрчак подым!» Ворошиловы, услышав из избяной его, потащили в двугузатный каменный дом заводской полиции.

Здесь, в камере № 3, Ворошилов отбыл свое первое заключение. Продолжилось оно правдой, только один день. Но, выпустив Клина, полицейские уже следили за ним не спуская глаз. Имя Ворошилова появилось в дюневских охранных. Школьные учителя в Васильевске назвали в Петербург, в министерство народного просвещения, и предложили «прекратить сношения» с этим опасным человеком.

Преследования закалили Клина, помогли ему стать сознательным политическим борцом. И когда, в 1898 году, на заводе появился революционер-литейщик Галушко, только что вышедший из рюстовской тюрьмы, Ворошилов первым вступил в созданный им социал-демократический кружок.

Кружок был небольшой: четыре человека. Но его влияние вскоре почувствовали сотни рабочих. Утром приходил завод, хомчиня, сталевары, литейники, слесари находили у него и ставков белые листки с блудноными буквами. Первая строчка была всегда одна и та же: «Пространни всех стран, соединитесь!» Это были прокламации, напечатанные на типографье. Колднла по рукам нелегальная брошюра «Пауки и мухи». За заводом, в Орловской балке, стали собираться по воскресеньям массовки. Здесь созревали планы первых революционных выступлений.

Семнадцатилетний Клим Ворошилов был душой алчевского подполья. Он печатал листовки, вербовал новых участников кружка, занимался с ними. Его часто видели и на Брянском руднике, и на Подольском, и на Жидловском. Все чаще на массовках раздавались его простые зажигательные речи.

В 1899 году под руководством Клина красновкич мугунлоднейного цеха объявил распространиться с Ворошиловым. Полиция направил к нему домой, переворнула все ящики дюнем зарила. Клим в историю. Когда он вернулся на завод, ему объявили, что он уволен.

Товарищ К. Е. Ворошилов в бытность луганским рабочим.

номню, с рудника на рудник, подолгу оставался без работы.

Бедно, но дружно жила семья Ворошиловых. Сверстники Климента Ефремовича вспоминают, как тепло он относился к отцу и матери, как переживал их нужду, их горести. И родители тоже немно любили своего единственного сына. Они мечтали, чтобы он вырос есая не образованным (куда уж таин!), то хотя бы грамотным человеком.

В 1893 году в селе Васильевке открылась земская школа. Клим поступил туда и сразу выделился как самый способный ученик. Научившись грамоте, он стал жадно читать. Через его руки проходили тома Пушкина и Шевченко, Гоголя и Гончарова. Тостого и Некрасова. Читая он чаще всего где-нибудь в степи: дома было темно.

На втором году обучения Клим уже помогает учителю в младшем классе. Но второй год был и последним: «курс наук» земской школы на этом заканчивался.

Расставшись со школой, Ворошилов не расстается с книгами. Он читает Лермонтова и Чехова, Элизе Реклю и Фламмариона.

Клим был первым не только в учении, но и в играх. Живой, горячий, подвижный, он любил носиться за мячом, лазать по деревьям, зарывался в окопных бочком через край весельем. И его горячо любили друзья — дети батраков, шахтеров, сталеваров...

Имя Ворошилова зашел в «черные списки». Такими списками обменивались между собой все капиталисты. Иначе это еще называлось «дать волючи билет». Ни на один завод, ни на один рудник не принимали Ворошилова. А если кто-то обидел и принимал, то вскоре вымарывали. По настоянию Ворошилова неоступили или специально приставленные парские шпиксы. Не раз они нападали на него из-за угла и жестоко избивали.

Так, годовой, выписывая случайные заработки, три года сидел Ворошилов с волевым билетом по Донецкому бассейну. И всюду, где он побывал, оставались следы: новые и новые рабочие вступали в ряды революционных борцов.

3. ТОВАРИЩ ВОЛОДА

Изнавывая между зелеными откосами, неторопливо течет Луганск. На берегах, впадая в заводские торопы, раскинулся город, получивший от реки свое имя.

Здесь, в Луганске, зашился индустриальный Дюбасс. На открытых в стены залежах руды и угля англичан Гаской основал в конце восемнадцатого века первую шахту, построил первый литейный завод. У промышленных стариков поеще сохранился со всей империи старинный — «клепальные пятаки» — двавили металлы, дили пушки и ядра. Пятаки были украшены крестьянскими жемчуж, белгие крепостные, подыские бутюнички. Так рождался луганский пролетариат.

В 1896 году, когда Донецкий бассейн овледа густая сеть железных дорожек, Рихард Гартман построил на берегу Луганск паровозный завод. В здании и мрачные корпуса с рванатыми окнами он привел со своего завода в Хемнице устаревшее, изношенное оборудование. Через четыре года, в 1900 году, завод торжественно, с музыкой и мольбами, выпустил первый паровоз — куцую «кукушку».

В парской рудник завод Гартмана считался чуть ли не чудом техники.

В январе 1903 года Клим Ворошилов поступил машинистом крапа в чугунолитейный цех завода Гартмана.

Через два месяца полиция, справившись с «черными списками», с шумом вымарвала Ворошилова с завода. В тот момент Клименту Ефремовичу удалось с помощью друзей-рабочих снова попасть на завод.

Администраторы завода и боялись Ворошилова и ценили его. Ценили как замечательного производственника, отлично справлявшегося с точнейшей работой — чугунным литьем. Боялись как неукротимого революционера.

Ворошилов создал кружок в чугунолитейном цехе, связался с луганским комитетом Российской социал-демократической рабочей партии и в конце 1903 года официально вступил в партию. Вскоре его избрали в луганский комитет. Двадцатитрехлетний селсар становится признанным руководителем партийной организации крупного пролетарского центра.

Ворошилов изучает решения II съезда партии, статьи Ленина. Он занимает активную партийно-политическую позицию. Под его руководством луганская организация в 1904 году окончательно определяется как независимая сила большевизма — в то время один из немногих в Украине и единственный в Дюбассе. Месячные востановки краснораз, везеказачие, в Луганске, неизменно терпят здесь поражение.

С головой окунаясь Клим Ворошилов в кипучую партийную работу. Он организатор кружков и пропагандист, автор прокламаций и оратор на массовках. На его квартире то и дело собирается подпольный комитет Ксю-нобуль, сев у двери, для отвода глаз брешит на гитаре, а у стола луганские большевики, студирившись вокруг Клима, горячо обсуж-

дают последние события в стране, заводские дела, намечают маршрут своей борьбы.

Трудно было понять, когда Ворошилов спит. В шесть часов утра он был уже на своем кране. Возвращался с завода в десять-одиннадцать часов вечера. Ежедневно, вернее, ежедневно, вел партийную работу. И при этом успевал еще читать Маркса, Зинькина, Ленина, Чернышевского, Добролюбова, Горького...

Не только на заводе Гартмана, но и в казенном заводе, на эмальпрохном, на суконой фабрике, в железнодорожных мастерских, на рудниках рабочие знали и любили Клима Ворошилова.

В бурный 1905 год большевистский корабль Луганска ахалел гвардем, устремленным курсом. Без зате корабль сильный, умный, бойдрый рулевой — Клим Ворошилов, или, как его прозвали в подполье — «товарищ Волода».

4. КЛАСС ПРОТИВ КЛАССА

В февральский день 1905 год над заводом Гартмана в неурочное время раздался протяжный гудок. Услышав сигнал, рабочие бросили станки, тушили печи, выехали из цехов. За несколько часов до этого молодой толк крар, подходя к воротам прокатного цеха, вынул из-под блузы пачку листовок и высоко их подбросил. Бумажные «голуби», подхваченные ветром, полетели в пех. Растерявшийся гороваидел листовки. Рабочие подхватили его пример и амгт расхватили прокламации.

— «Товарищи!» — читал кто-то вслух. — «Гнет наших притесителей — капитализм — и их защитника царя — и его министров — долел защитника царя — и его министров — долел России: в Петербурге, Риге, Варшаве, на Кавказе и Урале — везде и всюду рабочий неволегоу стал дальше терпеть этот гнет...»

— «Тора и нам...» — читали в другом углу цеха. — «Тора и нам...» — читали в другом углу цеха. — «Тора и нам...» — читали в другом углу цеха.

Прокламации луганского комитета большевиков, разбросанные по всем цехам, и упорная организаторская работа Ворошилова сделали свое дело: завод забастовал.

На заводском дворе, в гуще бующей семидесятичной толпы, как будто поднятый луганским прибоем вырост Клим Ворошилов.

— Видите, товарищи, — говорил он, показывая широким жестом на умолище цеха. — Мы бросили завод — и все погулоу. Без нас капиталисты жить не могут. Вся сила в рабочем!

Четко сформулировал Ворошилов одно за другим требования стачечников. Тут же рабочие избрали 56 депутатов во главе с Климентом Ефремовичем и поручили им повести переговоры с дирекцией. Так в огие забастовки родилась — депутатское собрание — луганский совет рабочих депутатов.

Вслед за гартмановыми забастовал весь политическая демонстрация забастовщиков.

Хозяева завода не выдержали большевистского, ворошиловского натиска: требования забастовщиков были удовлетворены. Рабочий день сократился с десяти до девяти часов. Официально признано депутатское собрание. Блески ради улучшений в условиях труда и быта рабочих.

Победа забастовщиков еще выше подняла авторитет большевиков. Сотни рабочих вступили в партию.

С огромным подъемом отпраздновали луганские пролетарии I Мая. Бастовали на всех заводах. Вечером в Сучьей балке слушали доклад Ворошилова, пели «Варшавскую» и «Марсельезу»...

В июле на заводе вспыхнула новая забастовка. На этот раз власти, собрав силы, решили расправиться с рабочими. Но время общего собрания на пустыре у завода полицейские открыли стрельбу. Стратегически бросились к берегу Луганск. Спасаясь от пуль, они перепрыгивали реку; за некоторыми по воде тянулись кровавый след. Ворошилов остался на месте и встретил врагов лицом к лицу. На следующее полицейские избил его до потери сознания.

Очунался Климент Ефремович в заводском полицейском участке. Его снова начали бить кулаками, шибарками, метлами. Изнавывая продолжалась до поздней ночи. Затем Ворошилова вместе с другим забастовщиком связали веревкой и погнали по городу. Полицейские держали в руках длинные концы веревки. Перед уходом пристав произнес с криком напутственную речь.

— Вы ведете врагов отечества и злейших преступников против существующего строя. Ищите в виду, что на вас может быть произведено нападение. Будьте бдительны и немедленно выместите толпы убейте этих злодеев.

Всю ночь связанных арестантов водили по городу. Полицейские, видимо, надеялись, что рабочие попытаются вступить за Ворошилова и тогда будет повод избить его. Но рабочие, которых Клим не раз учил выдержке, не поддались на провокацию.

Только на рассвете измученного, окровавленного Ворошилова привели в узелное полицейское управление. Оттуда его отправили в тюрьму.

Июльская расправа еще больше закалала рабочих, еще крепче сроднила их с ленинской партией. К концу 1905 года в Луганске было уже две тысячи большевиков.

5. ПРЕДСЕДИТЕЛЬ СОВЕТА

«Освободить Ворошилова!» — под этим лозунгом сплачивались тысячи и тысячи пролетариев. В декабре 1905 года могучая демонстрация подошла к стенам тюрьмы. Рабочие были готовы на все. Искушавшийся исправник дал распоряжение освободить Ворошилова под залог. Рабочие собрали деньги, и Климент Ефремович под радостные крики толпы вышел на свободу. Сынов он у руды большевистской организации снова председательствует в совете рабочих депутатов.

Совет становится настоящим хозяином Луганска. Притихшие царские власти гле-то на заднем плане. Рабочие, горюкание, крестьяне из окрестных сел идут в советом со всеми делами: земельными, трудовыми и даже бракоразводными.

Это был зачаток пролетарской диктатуры. Как решит совет, так тому и быть.

Решил совет, чтобы казаки не служили помещицким стражниками, — и казаки ушли от помещиков. Через короткий время у помещиков не осталось ни одного стражника. Крестьяне стали отбирать помещицкую землю и хозяйничать в селах.

Арест товарища К. Е. Ворошилова в Луганске летом 1905 года.

Рисунок Владимирского

Решил совет, чтобы 1 Мая все лавки были закрыты, — и это было сделано. Попытавшись было не подчиниться купцы подверглись такому дружному бойкоту населения, что сами прибежали в совет просить пощады и уплатили крупный штраф.

Решили поздравить 1 Мая на самой высокой заводской трубе красное знамя — знамя было поднято и реяло над Луганском неделю.

В боевых делах совета чувствовалась твердость воронешников в гущах. Особенно ярким выдвинулся Климент Ефремович за дело после того, как в апреле 1906 года побывал на IV съезде партии. Там, в далеком Стокгольме, он впервые встретился с Лениным и Сталиным.

Ленин зовёт рабочих класс вооружаться — Вороншилов вооружает луганских рабочих. Рисуя головой, он дважды ездит в Финляндию, привозит в чемоданах и шляпных коробках браунинги, наганы, патроны. Он создает боевое дружище, учит молодых рабочих стрелять, строить баррикады, вести уличный бой. В своих указаниях он предусматривает каждую мелочь, вплоть до того, что у каждого дружинника всегда должен быть в кармане песок, чтобы засыпать глаза врагу. Вороншилов создает подпольную лабораторию по выделке бомб. В цехах рабочие, по его совету, куяют пилки. Уже тогда рабочие называли Клима «наш красный генерал».

В жаркий июньский день на Троицкой площади собралась большая митинг. Отряд конной полиции, обнажив шашки, поспежал к площади. На Архидерийском мосту горюлахов встретили рабочих-дружинников. С наганами и бомбами в руках они грозно застыли на месте... И полицейские, повернув лошадей, поспешно бежали.

Боевой дружище парские власти боялись как огня. Жандармы в своей переписке упоминали о ней с зубным скрежетом.

Средь бела дня дружинники сожгли старую тюрьму, куда парские власти собирались бросить участников крестьянских восстаний на Старобельщине.

В октябре 1906 года харьковская судебная палата приехала в Луганск — судить Вороншилова за вооружение забастовщиков. Но парские сановники быстро поняли, что при этом судились в этот пролетарский мурaveйник: заводы забастовали, многотысячная толпа с гневным глумом окружила здание суда. Слестроитические работы в распахнутых окошках мушкетерах глядели-глядели в окна, затем понемногу, и председатель дрожащим голосом объявил, что суд отложен.

В тот же день господа судьи с первым поездом покинули Луганск.

6. СНОВА В ПОДПОЛЬЕ

Шел 1907 год. В Питере, в Москве, в других городах советы были разгромлены, профсоюзы закрыты, революционные рабочие «отареланы» до волчьих билетиков, кто хитроусый, кто веревкой на шею. А в Луганске все еще хозяйничал неугомонный Клим Вороншилов со своим советом, со своим огромным профсоюзом, со своей боевой дружищей.

Царские власти решили разгромить уцелевшее гнездо «красоволь».

Первый удар был нанесен в марте. Подославшие на завод провокаторы побили группу рабочих, вывели из-под замка цеха на тачке. В ответ на этот, ему же спровоцированный случай дирекция обвинила локаут. Заключенный случай заводские ворота. Тысячи рабочих оказались на улице. Податься было некуда: в стране свирепствовала безработица. Рабочих, их женам и детям грозила голодная смерть.

В эти горькие дни Вороншилов ни на минуту не поддавался унынию: он подбирал рабочих, призывал их стойко держаться, настойчиво добивался у дирекции и властей отмены локаута.

Когда локаут кончился, Вороншилова и вместе с ним несколько сот рабочих-революционеров выбросили с завода. Начались аресты. Кое-кто из активных работников, спасаясь от преследований, уехал из Луганска. Но Климент Ефремович не расставался со своим городом. Перейдя на нелегальное положение, прихватив то у одного, то у другого рабочего, он неустанно продолжал революционную деятельность...

(ОКОНЧАНИЕ В № 3)

Вашаода

Мой дед — местечковый аптекарь,
Неведомый фармацевт.
Он может прочесть по-латыни
Любой сложнейший рецепт.

Он может писать сигнатурки,
На баночки клеить из
И жить при своей аптеке,
Не замечая других.

И он ничего не видел,
Сухой такой старичок,
При всякой температуре
Слегка поводя плечом.

Всю жизнь он искал утешения
И ел одси сухари.
За честность его ни разу
Никто не поблагодарил.

И его его уложили
Полики на мокрый песок.
И сын прижался к песчинкам
Пробитый насквозь висок.

Он вырастил этого сына,
Ласкала его и, коры,
Но даже его и за сына
Никто не поблагодарил.

Но как-то к нему ворвался
Высокый худой человек,
Он длинные свои пальцы
К разбитой прижал голову;

А из-под них седловатый
Кровоточил висок...
И вот ты припомни сына,
Упавшего на песок.

И ты замазал руками
И все растерял слова.
Ты кровь ему останавил,
Кололодем залавая;

Отдал ему сухари свои,
И все, что имел, отдал,
И грел его руки дышаньем,
И в лоб его целовал.

К тебе офицеры влохмал
И спрашивали про вего:
— Не видел ли ты комиссара?
А ты качал головой;

А ты развода руками:
— Что может видеть сарей,
Который ни разу в жизни
Не хаживал дальше деревь..

Ты ровно одну неделю
Лыдел за ним, как отец,
Когда же он подвал голову
И на ноги встал, наконец.

Он сжал тебе руку больно:
— Спасибо тебе, старик,
За зачистку твою и лекарьств.
За честность и за сухари.

И вышел он из аптеки
Визелно, как и зашел.
И лишь своего портрета
Наутро ты не нашел...

...Всю жизнь ты искал утешения
И все же его смыскал,
И многое сразу понял,
И сразу же прояскал.

Всю жизнь ты его размыкал,
Тебе же его привнеси —
Мальчиково письмо,
Испачканную в пыду...

...В ней были белые валенки
И фронтовой прикет,
Письмо от того комиссара
И вырезки из газет.

В которых твою фамилия
И маленький твой портрет,
В которых благодарили
От всей души старика

За то, что спас комиссара,
Подпольщика-большевика.

И ты по местечку проходил-
По самой светлой тропе.
И каждый снимает шапку
И кланяется тебе.

И все тебе почтуют
И любят тебя всею,
И я тебя дедам считую,
Как сын комиссара того.

ДЕТСТВО В ВАСИЛЁВЕ

Когда человек гложет, он начинает говорить значительно громче или значительно тише. Котельщиков называют глухарями. Это подмечено точно. Кашляют котлы индустри. Представьте себе, что вы работаете, сил в беспрерывно гудящем колоколе.

Котельщик Павел Григорьевич Чкалов говорил тихо, неспешно, скупо, как говорят люди, которые вступают в разговор только тогда, когда им есть что сказать, а окружающим есть что послушать.

Слобода Василёво, неподалеку от Нижнего, где обосновался и оброс семей Павел Григорьевич Чкалов, была местом занятным. Внизу затор, приставь, базар, множество лавок, амбаров, дома с разными петушками, кирпичными крыльчками. Имена Морозовых, Малигиных перли в глаза с вывесок, с табличек на домах. Вверх забиралась домишка тех, кто табличек к двери не прибавлял: грузчиков, из которых ныне начинали еще с бурлачества и кричали «Под табак!» не потому, что так издавна заведено, а потому, что и правда, когда тынешь бичею по грядку в реку, то вода подходит под кисть с махоркой, бережку подвешенный на шее; забрался на гору домишки конюгоров, гончаров, златонских мастеровых, умевших слесарить и попутничать, а когда надо, и покусить у помешка, — в общем голи перекатной, всю жизнь слонявшейся по корытнице. Воды и лишь под старость оседавшей гдешнубь на мертвый якорь.

По своему достатку Павел Григорьевич мог строиться не на самой горе: золотые руки мастера-котельщика позволили в конце концов обзавестись даже собственным домом.

Но селиться по соседству с василёвскими тузами ему не хотелось — кланяться и шапку лезть он до смерти не научился, — и чкаловский дом вырос на самом вершине слободы. Меньшим в семье был Воля. Парень пошел в отца. Коренастый, тот же взгляд, го-

лос смятальства басовитый. А следила в воссе отцовская.

Меньшой, как часто случается, рос любимцем. Но быть любимцем Павла Григорьевича вовсе не означало, что можно рассчитывать на поглажки.

— Опять, канальский, свалился, — педит в усам только что вернувшийся с работы Павел Григорьевич: на дбу Валерия радугой отливает новый сияк.

Смы искоса поглядывает на отца. Нет, хоть и строг, а не сердится. И в глазах смы на закиваются плутоватые огоньки: — Начаяно, папа.

Павел Григорьевич доволен, что Воля не жалудеть, но говорит сурово: — Знаю я твои кичанюво!

Смы некогда, и он чуть заметно переминается.

— И не топчесь! Валенки, как на пожаре, жещь. Вот не куплю новых — тогда узнаешь, как добывать их!

Валерий молчит, виновато поглядывая на ноги. Тихо двигая в валенке пяткой, ощущает почти совсем прохнувшую подошву. Когда Валерия корит за дело, он никогда не заикается.

Слышно: во дворе высветывают в даже голос подуют: — Воляк!

Хорошо, отец на ухо тугует — не слышит... Додатый пол пиряничего скрипит под тороплыми тжедлыми шагами Валерия. Во дворе — так и есть — уже дожидаются Вася Кашнов, Акинфов, Фролицев, Вшивков.

— Разорьдись, как галки! Сам, что ли, не знае, что ждет!

Сегодня дол прлбаст. Во-первых, обещал показать ребятам, как прыгать на лыжах. Во-вторых, надо «базарским» бочками разжиться: скоро масляная — из чего тогда аллюминацию устраивать? Неужели «базарским» позволить, чтобы у них аллюминация опять богаче была? В-третьих, уроки

готовить надо: Александр Александрович прозидя, что дубовку поставят.

Затонский сбеж круг. На той стороне Волги аллюмина луга, там летом в ночном у костра нет на свете ничего лучше.

— Пошли!

Валерий вперед. Вот и с'езд.

— Глядите, я ж вам говорил, это очень

просто.

На ногах у него самодельные лыжи. Он еще раз проверел веревочные крепления — а вдруг совершенно неожиданно кидается вниз. Морозное облако снега обволакивает его, но вот из облака вырывается коренастая фигура и летит прямо по воздуху. До друзей доносятся звонкое «э-э-х!», распростерший руки Валерий опускается ниже, ниже, а лыжи опять соприкасаются с горой уже возле самой реки.

С'езд на Волгу, он круто заворачивает, и заснеженное русло глубоко полукругом мерзнет выношенные лыжи. Наверх Валерий возвращается плуцоный, довольный.

— Ну, теперь-то поехали? Скользя вниз, с разгона лыжи сами вперед вырываются.

Однако подражателей не находилось, что Валерия искренно удивляло. Не менее поразило он и тогда, когда учительница Вера Платоновна Воскресенская, бывавшая в Финляндии, сказала, что забава его не нова, что прыжки с гор — один из труднейших видов лыжного спорта и что лыжники основательно тренируются, прежде чем приступить к прыжкам. А он как-то случайно их открыл: с'ездил вниз, а лыжи сами оторвались от нарта.

Со с'езда ватага отправляется за бочками. Вржда у «горских» с «базарским» давняя. «Базарские» — те, кто живут внизу, тузм, шкур; «горские» — голтыба, отнесенная от родной Волги наверх. Когда «базарские» ходят в школу, прслута им в разных углах делают завтраки чуть не в полудна, но попорбу попросить кусочек — кушак суот. Как такого тронешь, он сразу донде бежит, а

потом его отец на тебя снова спустит лью, еще хуже, запряметит тебе индубуд твою мать на рынке и давай чистить ее при паре: дед, сын твой и такса и такса да ему уши, хулигану, оборать... Так что с «базарским» дело коротко: быть, чтоб и ударили не успевали. Вот только малявина у них лучше, начнут проделое косресные огни оклеивать, куда за ними «горюхи» угадать? Она однажды даже бочку керосина подхватила, наверх, в Нижнем зарено вышло было. Ни задорных лапки валется, скомашный шик! Он грозный, но ничего, гореть будет. Валерий деловито выскладывает его на плечо.

Из-за угла выныривает рослый молодой человек, лет двадцати, в прикиченном картузе, из-под которого вылезает лихих чуб. Бравлюшко направляется прямо на ребят. Ребята не несколько робуют от этого безмозглого наступления и подаются назад. Один Валерий не трогается с места. Молодчик подходит прямо к нему.

— Чкалов, какется? Наше потешие. Яшник воршеу?

Валерий молчит. Ящик явно выброшен как негодный, но стоять не собирается?

— Принаешься, значит? Ну, это лучше. Ставь тогда на место да скажи спасибо, что легко отделился. Руки сегодня марать несища.

Как он сказал? Особождая руки, Валерий сбрасывает ящик на землю.

— Ты что?

— А что?

— Ты не стокай. Ты повтори.

— Скажи, командир отмакался! Провальной дуле!

Он смекает Валерия в лоб и, когда тот размахивается, чтобы ответить, наотмашь бьет его кулаком по ягодице.

Вылезает крова. Покачиваясь Валерий резко разворачивается левым плечом, пригибает голову. Однако в последний момент он сдерживается еще раз и цедит голосом на неожиданного ровняк, что душа у чубатого уходит в пятки.

— Значит, драться хочешь? Чего же останывляеш? Валия еше!

Но едва парень успевает снова отвести руку, как молния мальчишеского кулака поражает его в переносицу, и он валится в непонятной ражовой сини. Отлетает картуз с лакированным козырьком.

— Жалого! — кричит ему Валерий. — Яшника пожалей! Приходи, я тебе щели проб зарядом спряваю!

Он вытирает варежкой разбитый нос и закручивает ящик, отправляется с ребятами в гараж.

Дома все то же. Соня первая встречает брата. Она только мелком выглядывает на него, но сразу же замечает, что крошки полуступа оборманы, на ушаке не хватает одной тесски, по ленту размазана крова. Соня старшее всего на два года, но она девочка, все Валерий зашивает она и поэтому считает себя вправе учинить ему выговор. Он слушает ее насмешливо, но вдруг зарзгентливо убавляется:

— Брось, Соня! Если бы ты знала, как я это задул!

Не проходит и двух минут, как Валерий, уже успев умыться, сидит у себя за столом, решая задачи. Мать даже не заметила, что у сына разбит нос.

А задачи скучноваты. Из одного бассейна за 37 минут вытекло, дядя той бассейна наполнилось. Интересно, зачем выпускали воду? Может быть, там заруда была? То-то рыба перепугалась? Эра Александр Александрович двойкой грозит: задачи делаются. Вышла бы просто к доске и провери, знает он это или нет. Наверно, думает, что он дома только лямбдагонет. Двайка! Как же, так он и допустит ее!

Алексей приходит к ночи. Алексей старше Валерия на пять лет, он приятель. Валерий утешается в новые выпуски Ната Пижнерова, где-то раздобытые братом.

Когда в доме гаснут все огни, Алексей изпод одеяла окликает Валерия:

— Ты что шепещешь-то?

— Нет... Спит.

Валерий не хочется признаваться брату, что он за целый день не нашел времени поспать над Отстровским. Школьный дружок лодет над «Бедностью—не пороку», Валерий играет Любима Торпова. Забрившись с головой под подушки, он бубнит теперь приглушенным басом, испоминная слова рой:

— Шире дорогу, Любим Торпов иде! Эх, раскидать бы всех малых и больших «базарских», чтоб и духу не осталось!

Спит Валерий крепко, но просыпается с петухами. Нежится в постели — не в его привычку. По дороге в школу встречает ребят. Для них сегодня удачный день: Чкалов ночью путешествовал в подполье, и эта весточка моментально облетает все василевские мальчишки. Они знают, что Наталья Георгиевна — человек домовой и записали, а Волк, едва ли разжился чем-нибудь,—никого не обделит. Карманы Валерия ломятся сегодня от желтоватой автоновки, и нет такого приятеля у него, кто не залез бы туда за кожом.

— А как старлась Наталья Георгиевна, удачная их на яму в яшник! Замечательные яшники!

Когда учительница входит в класс, все встают. Валерий четко вырисовывается на фоне класса. Его парты стоят сданы, он сидит на ней боком и видит со своего места класс и улицу. Если кто-нибудь в классе задумает шалость, то предварительно оглянется назад. Но Валерий чаще всего отрицательно кивает головой: во время уроков надо учиться.

Вера Платоновна спрашивает о «Замских охотниках».

— Чкалов, ну-ка, расскажи ты.

Валерий начинает медленно, глуховатым басом, но вот в памяти победил жостры в ночном, аведаю небо на луговой стороне, ворчанье свернувшегося в ногах лиса, широкую полевую мышь, шестест испещенной Волги. В костре пелется картошка, изредка оглушительно лопаются камин, нарочно для того положенные в него, и нес спроснок залпосеется испуганным лем. Бежит луж окивает, правда, но больше полжиз на василевские места, но класс замолкает, и глаза ребят устремляются на рассказчика... Откуда у него это мастерство?

В Череповце, в ремесленном техническом училище, он занимался не так охотно. Его отправили туда после окончания трех отделений начального. Жил так в общежитии. Правило было такое: новичка оневают старшие и не дают в обиду, он же должен их прислуживать. От кого-то слышал, что такое общежитие описано в книге писателя Помяловского. Жалко, найти не удалось.

«Онекуство» над Чкаловым сопрождалось такими жестокими боями, что едва не

кончилось для него отбитыми легкими. Хоть было ему всего двенадцать лет, но ни в какой запыте он не жулдася, а ладкестват и вовсе не ждал. Трудно даже решить, что казалось ему более оскорбительным.

Хорошо, хоть голодом 18-то года заставила родителей взять его из череповского училища, совсем ирид и Валерий с его характером удержался бы там еше зму.

В Василеве тоже было голодом. Правда, не так, как на казенном коште. Немало выкручался и рыбаки лоды. В каждое время года — особый способ. В заморозки, например, такой. Лед еше тонок, взрослому, пожалуй, и не выдержит, ребята же на него — оравой. Забегут, пойдут к нему — и давай топтать. Рыба будет, мажале к берегу. Тут ее сужок лодок и глотает молотком потяжелее. Только успевай выбирать из дулки.

Способ, конечно, но совсем безопасный, можно и выловить, но нырять в ледяную воду было не аведаю. Тут ее давай — другими. Валерий открывал кулывали сезон, когда по реке еше шло последнее «сало», и закрывал его, когда вылезать из воды приходилось уже, разбивая тонкую ледяную корку.

А про лето и говорить нечего. Сколко раз, бывало, ныряет под плиты (штук 30—40 бревен сплочено) и да гинет в Волге. Приятель уже штаны испух вытнивает, собираются за баграми бекать, а Валерий, оневавшись, выныривает с другой стороны, но держится за плот так, чтобы его не было видно.

— Как же, утонул! — кричит он, неожиданно выбираясь на плот и тряс головой, чтобы выскла вода из ушей. — Жистел!

Или под продохом шавит. Тоже, конечно, стужанно, но тоже не без расчета: ныряет под нос, под килем же проходит не наперерз, а вдоль.

Испуганные пассажиры криком изоходят: — Ребенок тонет, машину остановите!

Кипит убежден, что близ Василева только Паша да Валера, а Валерий, оневавшись, так и етс; за кормой выныривает Валерий. Довольный этой волжской проделкой, старый волгарь для порядка все же грозит кулаком:

— Уши вадефу! Волка. Слышим?

В последний раз. Иван Терентьевич! У шней телеги киль в шипшак!

На родной Волге завулавла чужа решь. В Самаре загоройли по-чешски, на Каспии хозиничала англичане.

Вместо прежних «спистовлет» из ключей, заржавивших серыми головками спичек, появились винтовочные патроны. При чужде можно было достать даже гранаты. Морозовых, Малангиных как ветром сдуло с василевского места. Ушла в Красную Армию брат Николай.

Однажды Павел Григорьевич приехал сюда сына в стовую и молча указал ему на стул.

— Вот что, Валерий...—сказал отец задумчиво, еше раз, видимо, собравшись с мыслями, которые, однако, явно были передуманы. Кашпигу.

Сын ждал сдержанно, стараясь ничем не показат волнения, овладевшего им от такого необычного начала.

— Вот что,—повторил отец.— Учить вил, как, ставишь дальше?

И не успев еше Валерий и рта раскрыть, как старик, жте ответил:

— Ладно, поидешь работать. Подтолквал и с ладней, посостовался, устраивай от тебя волтовом на барку. Долго собираться будешь?

В тот же вечер Валерий тут ужав небольшой узелок.

Онако поработат волтовом не пришлось. Уже через несколько дней чкаловском доме услышали характерный отрывистый стук в дверь. Пройдя к себе в комнату, Валерий сердито развалал принесенные обра-

— Чкалов, ну-ка, расскажи ты.

по пожити, вынул оттуда одеяло и подушку, до которой, видно, не дотрагивался, и только после этого направился к отцу, вставившему в дядей.

— Здравствуйе, — хмуро приветствовал он родных. — Спасибо за хлопоты, но только я вернулся, — он придвинул к себе стул и потянулся за стаканом.

Отец бережно опустил блюдце, которое держал на растопыренных пальцах, и придвинул ему сахарницу:

— Здравствуй. С чего это ты так скоро?

— Все не скоро. Целый день на барже пробыл. Сифилисники кругом.

Павел Григорьевич недоуменно расправил уши и строго взглянул на дядю. Но тот, углубившись в стакан, громко и жадно прихлебывал обжигающий чай.

— Сифилисники, говорим?.. Это да... Ну, а кто сказал? Может, врут?

— Не врут. Повар посмотрел, как я постель раскладывал, и посоветовал тихонько: «Уходи, пока не поздно. Ты, видать, чистый, niente тебе тут делать». Ну, я свернул одеяло обратно. И все.

Говорил Валерий неохотно. Он все болше становился похожим на отца.

Дядя вдруг вспылил:

— Струсил, значит? Барин!

Но Павел Григорьевич посмотрел на него так, что он сразу осекся.

— Правильно, сынок. Только откуда ты вот знаешь, что такое... это самое?

Валерий коротко усмехнулся:

— Не маленький! Сифилисники — это котыр... Ну, сумашедши котырлик!

Дядя прыснул в стакан. Остатки чая брызнули на скатерть. Павел Григорьевич тоже долго не мог успокоиться от потирающего его смеха.

Валерий мгновенно покраснел. Он переводил взгляд то на отца, то на дядю, дожидаясь, когда они прекратят хохотать, а затем вдруг резко поднявшись со стула, вышел из комнаты.

Через несколько дней отец взял его в затон подручным. Кувачник приходилось что полагало: котлов не заказывали. Старый мастер хлещал насупившись. Валерий помогал ковать крыльи и пробыл.

В работе Павел Григорьевич не признавал ни родства, ни качества. Если ему казалось, что кто-нибудь не от сердца трудится, а так — только молотом помахивает, он некоторое время крепился, а потом подходил и говорил sharply тоном, не допускавшим возражений, хотя тихо и даже как будто простиительно:

— Знаешь, мил человек, уходи ты от меня. Душу только тынешь. Уходи.

И никакие уговоры уже не действовали.

Валерий работал старательно, не жалея сил. Но к нему отец был особенно придирчив. Спусти несколько недель сын спойбно, неторопливо, но уверенно заявил отцу:

— Думаю, степ, нам вместе с тобой не работать. Сила у нас одинаковая, но, как на грех, и характеры разные. Посовещуй: может, лучше разойтись?

И в первую же весну, в бурливом 19-м году, уехал Валерий в Крушпи — конюшаром на землерейские.

Вести тогда доходили небрежно да и нечасто. Стороной в семье слыхали, что Валерий на землерейские заболел, но чем, узнать не удалось. Наверно, голодовая донела. Валерий в Васильево немного прислал. Овся и полосатого материала неслим на близки.

Отцу читали письмо вслух. Разобрать почерк Валерия было нетрудно. Он приходил

на черты его лица, на него самого: крупный, отчетливый, всякий штрих до конца доведен. Бухало унылым, стоит прямо, неколебимо.

— «А еще делую всех. В. Чкалов».

Степн сеграм был куплен Валерием на первые самостоятельные заработанные деньги.

Детство кончилось...

* * *

Герой Советского Союза, депутат Верховного Совета СССР, Валерий Павлович Чкалов, наследитель родных, вылезает из самолета, где произошло это детство. Тридцать четыре года. Немного в объеме! Но много отъехал от дома, а по мажорной пыли со всех концов уже несутся за машинкой мальчишки, надрывающиеся на бегу:

— Чкалов! Чкалов!..

Валерий Павлович улыбається, справа едла заметно, затем шире — наконец, не выдержав, решительно трогает шофера за плечо.

Он сходит на дорогу и сразу же оказывается в подвороте рюшек, черных, рижих, выхристых голов. Ребята бесцеремонно разглядывают его во все глаза. Один, самый решительный, трогает прославленного летчика за рукав и, стараясь говорить как можно быстрее, спрашивает:

— Товарищ Чкалов, а почему вы без орден Красного знамени?

Чкалов переглядывается с шофером:

— Дома оставил. Сыну.

— Ну уж... сыну.

— А что? У него нет, а у меня и без этого два. Ответь просто.

— Хорошее просто! У нас права такого нет — ордена оставлять. Я знаю.

— Скажи, пожалуйста, ты даже права мои знаешь! А вот на какой яблоне в мажорном саду лучшие яблоки растут, тоже знаешь?

— У чьей мамы, у вашей?

Валерий Павлович доволен: парнишка за словом в карман не полезет. Помярять бы с ним под платом!

— Если у вашей мамы, то в левом углу, вторая от края.

Окончательно развеселившийся Чкалов срывает ребят обими руками... Он пешком возвращается домой, толкает калитку и шускает всю ораву в сад.

— Жвао, орлы, ко второй с края, в левом углу. Прав, жулик, я тоже с ease обирал. Только, помните: мать увидит,—скажу: не знаю. И ветвей не ломайте!

Ребята бегут в дальний угол сада, а Чкалов, наконец, удается выехать из свободом.

Но другие ребята, встречая его машину, так же бегут вдогонку и так же надрыгаются:

— Чкалов! Чкалов!..

Снова мелькает высокий правый берег. Вот отсюда он впервые вылетел в воздух. Он вылетел тогда на самодельных дыках на какие-нибудь пять—десять метров и совсем не думал, что воздух станет его стихией. Вот здесь он чуть не утонул, неудачно змирув на порожнем берегу, отправившись на лодке в норичаши обычая отправившись на лодке в норичаши обычая, вроде «ямочки», самолет, тогда, когда надо, он мог складывать крыльи и превращался в то автомобиль, то в моторную лодку. Все-таки много времени уходило на перемены.

Вдогонку все еще несутся:

— Валерий Павлович, приезжайте еще е-о-и.

Никогда больше не придет Валерий Павлович в родную свою свободу.

Герой Советского Союза

ПОЛКОВНИК А. СЕРОВ

Будем, как Чкалов!

Еще при поступлении в авиационную школу и молчаливо о Валерии Чкалове. По стране шла молва: есть летчик Чкалов, он делает изумительные фигуры... Рассказы о находчивости и беспримерной отваге Чкалова передавались из уста в уста, из эскадрильи в эскадрилью. Его мастерство разжигало нас, вызвало желание учиться, подражать ему.

Чкалов летал всегда так, чтобы непонятно сделать понятным, и потом передавал свой опыт молодежи. Людей, которые не пытались в духе Чкалова, было очень много. В частности я старался подражать ему во всем.

Лучший пилот Красного Воздушного Флота Чкалов испытывал самые лучшие скорости и сверхскорости машины, которые создавали наши авиационные конструкторы.

Казалось, конструкторы продукали машину до конца, предусмотрели все мелочи. И вот Чкалов садится впервые в самолет, которого сам еще не знает и не знает как следует конструктор. Он взлетает на этой машине и горит страстным желанием раскрыть в машине еще один секрет. И это конструктор, подсаживая им, обогащал их своим опытом.

Чкалов был не просто летчик-испытатель. Это был человек с пытливым умом ученого. Каждому полету он отдавал свои горючие, беспокойные сердце. Он понимал конструктора, подсаживая им, обогащал их своим опытом.

Заслуга Чкалова в том, что он испытывал самые современные машины, делал сложнейшие фигуры, которые не выполнялись заграничной лужими пилотами мира. Он воспитывал новое поколение крепких и смелых пилотов страны социализма.

Если собрать статистику крупным чкаловского опыта, если привести в систему все, сделанное летчиком-большаком Чкаловым для развития нашей оборонной мощи в воздухе, то откроется величественная картина.

Я и многие мои товарищи летчики-истребители росли и формировались под влиянием Чкалова.

Мы, военные летчики,—гориче полковники Валерия. Мы всегда преклонялись перед Валерием — летчиком, человеком. Мы всегда смотрели на Чкалова как на ученого, потому что это был летчик-новатор.

Военные летчики преклонялись перед Чкаловым, перед его безграничной храбростью. Он десанта раз рискнул своей жизнью во имя родины, во имя укрепления ее оборонной мощи. Он делал это до того, чтобы молодые летчики брали с него пример. Он воспитывал героическое поколение сталинских соколов, воспитывая показом, упорно и настойчиво.

В день принятия великой присяги мы клянемся честно и верно выполнять свой долг перед родной так, как его выполнял Валерий Чкалов.

Клятва, данная народу нашими молодыми бойцами, полностью обеспечивает спокойный труд социалистического труда. Труд родит еще и еще много народных героев типа Чкалова.

И если фашистские хищники посмеют нарушить советские рубежи, военные летчики будут драться, не щадя себя и своей жизни, до полной победы над врагом.

Автор

КОМАНДИР ТАНКА

— Нет, право... что вы... — молодой лейтенант с маленькими танками на лбу, да заметно растерялся, когда председательствующий назвал его фамилию и огромный зал, до отказа наполненный людьми, невольно зааплодировал.

Несколько голосов, поддерживаемые через секунду сотнями других, крикнули:

— Да здравствует наш армия!

— Ура танкистам! Ура нашим храбрым танкистам!

— Ну, вы, сынок! — по-отечески заботливо подтолкнул лейтенанта сидевший к нему рядом в президиуме пожилой мастер с глянцевой кофеваркой — Смельский, Антонов! Мы твои в армии последи, теперь пришло время отчитаться. Медленно поднялся лейтенант на трибуну. Зал притих.

Лейтенант взглянул туда, на множество лиц, напряженных, застывших в ожидании, на тысячи огней, перебегающих в хрустале люстр. Чего ждут от него? Рассказка о том, как дрался на фронтах их часть? Старый мастер сказал ему: отчитаться... Говорить о себе? Имеет ли он на это право? Подумал, правильно наградили его орденом «За храбрость»; президент лично пожал ему руку. Знают, право у него будет есть. Но с чем гово- рить? Нужен какой-то боевой эпизод, в котором он, лейтенант, участвовал. От волнения все эпизоды вдруг смешались в его памяти.

Вспомнил совет, полученный несколько лет назад: когда выступал перед большой аудиторией, сосредоточив все свое внимание на одном человеке, говори ему одному. В третьем ряду, у самого прохода, сидела девушка. Лейтенант хорошо знал ее.

И он начал говорить. Своих первых фраз он не слышал. Они почему-то не доходили до его сознания. Но эпизод, который он решил рассказать, отделившись от остальных, вставал в его памяти во всех деталях. И как только лейтенант добрался до него, сразу стало легче, будто снова попал к привычному обстановке своей боевой машины.

Так вот, взвод получил приказание командира танковой роты выйти в разведку. Нужно было пройти по лощине к деревне, обстрелять ее и тем вызвать ответный огонь фашистов.

Необходимо во что бы то ни стало обнаружить расположение противотанковых орудий врага, — сказал командир роты.

Понятно, для чего это нужно? Если противотанковые орудия врага останутся неподозреваемыми, они могут причинить нашим танкам во время атаки существенные неприятности.

По лощине машин шли спокойно. Но когда танки продвинулись ближе к деревне и открыли по ней огонь, вокруг начала вращаться сарая. Несколько осколков ударило по броне справа и слева. Очевидно, головной танк попал в «мешок», по которому фашисты хорошо пристрелялись. Прямо перед собой, метрах в 800 — 900, мы увидели до десяти орудий противника. Главные задние было многозарядное, и танковая разведка могла возвращаться.

Пока меховодитель развертывался, я повернул башню, чтобы взглянуть, что делают другие машины. Тогда-то я увидел полосу пламени и дыма, которая тянулась за танком. Над моторным отделением полыхал огонь...

Начал соображать, чем все это пхлает. Ясно, что взорвал бак с горючим. С минуты на минуту та же участь может постигнуть запасной бак, и тогда... Тогда начнут вращаться сарая. Пересекать, что и говорить, не из приятных.

Машина продолжает двигаться. Работавший вентилятор затянута пламя в мотор. Остановив танк, выхолив из него, пытаемся огнетушителем сбить пламя. Неудача. Огнетушитель отказал. Отходим от горящей боевой

машины. Сделать больше ничего нельзя. Бросать машину не хочется, но выхода нет...

Лейтенант умоляет... В зале кто-то кашляет. Девушка из третьего ряда одобрительно и понимающе кивает головой.

Возвращаемся на командный пункт на двух оставшихся машинах. Здесь все уже знает, о происшедшем. Горющий танк отсюда виден отлично. От нас до него метров 400 — 500. От противника несколько больше: 600 — 700. Очень хочется спасти танк. Об этом я думал и раньше, когда мы покинули машину. Но ведь ни меховодитель, ни башенный стрелок не ушли бы без меня. Наше правило — все за одного и один за всех.

Можно было приказать им уйти. Но они не подчинились бы приказу, хотя нет на свете армии более дисциплинированной чем наша... Рисковать жизнью товарищей я не мог.

Я вспоминаю случай, происшедший под Кяхорой в июле 1937 года. Меховодитель и башенный стрелок одного из наших танков были убиты. В живых остался только один коммисар. От фашистской бутылки с горючей смесью засорилось моторное отделение. Огонь быстро распространился. Но коммисар сел за рычаги управления и большими оборотами мотора притушил огонь. На коммисаре загорелась кожаная куртка. Он сбросил ее. На предельной скорости привалил к сборному пункту...

Зал грянул горячими аплодисментами. Потом замолк.

— Раненый, с обожженным лицом, теряя сознание, коммисар спас машину и не дал фашистам надругаться над телами наших двух товарищей.

Опять гремит аплодисменты.

— Раз мог сделать это коммисар, значит, должен сделать и я. Нужно спасти танк во что бы то ни стало.

Лощину, где стоял горящий танк, огнивала полоса глубоких рывтин, поросших высокой сухой травой. Этим-то путем и я стал пробираться к танку.

Метров двести осталось позади, когда меня заметили фашисты. Залапали два вражеских пулемета. Потом из винтовок открыли огонь два стрелка. Пули ревели траву...

— И не страшно было, — спросил кто-то из зала.

— Страшно, — ответил лейтенант. — Залег за бугорок, стал ждать. Авось фашистам понадобится это дело. Хотелось курить. Закурил. Но враг, должно быть, заметил дым из пазухи...

роси, и пули стали лететь все ближе. Думаю, дай попробую сыграть с фашистами шутку. Подождал лавирова на траву, на бугорок, будто это мой голубок. Штука удалась: ружейно-пулеметный огонь по бугорку усилился, — а я попал дальше...

Где-то в зале раздались смех, хлопки. Кругом зашумели.

— Прощел еще 150 метров. На последних 50 метрах была ровная, совершенно открытая. Будь что будет! Вскочил и стремглав пошел к танку. Вот и машина. Нырнул в люк, захлокнул его за собой. Продохнул... А что если мотор не заведется? Будет дело!

Включая запасной бак, завожу двигатель. Танк дрогнул. Даю вторую скорость. Не идет. Даю первую. Не идет. Увеличиваю обороты, перешел на замедленную. Пошел! Не пошел, а пополз... Так и хотелось крикнуть: до свиданья, господа фашисты!

Они, конечно, открыли по танку артиллерийский огонь. Но стреляли неучаю. Машина продолжала двигаться. Довольно быстро танк дошел до места, откуда несколькими часами раньше мы ушли на разведку. Основное было сделано. Вышел из машины. Она продолжала гореть. Песком привалил гасить горящую резину на катаках. С помощью нескольких подбежавших лехтинцев одеваю и другим добром заглушаю огонь. Все время Саарды в машине уже были сильно нагеты.

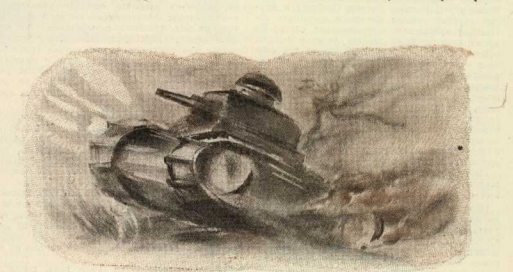
Зал грянул аплодисментами, еще более горячими чем прежде. Все встали и стоя приветствовали лейтенанта. Тот взглянул на девушку, сидевшую ему. Лейтенант поднял руку, показывая, что еще не кончил.

— И еще я хотел сказать. Мы, танкисты, как и вся армия, мы горели. За наш народ, за нашу родину мы дрался и будем драться. Против немцев, против итальянцев, против всех и всяких фашистов. Мы готови!

Он сошел с трибуны. Десятки рук протянулись к нему для пожатия. Подошел пожилой лейтенант, улыбаясь ему. Глаза его улыбаясь еще больше чем прежде, а вместе с глазами улыбаясь и сотни морщинок.

— Молодец, сынок! — обнял он лейтенанта. — Поддержал нашу славу... Кто машины держал, тот и бороться их должен уметь...

Все новые и новые руки искали руки героя. И в каждой он почувствовал такую же волю к борьбе и победе, какую сам испытывал там, на поле сражений, ведя на штурм фашистских позиций свою боевую машину.

Машина продолжала гореть...

Оружие обреченных

С. ГАРЕУЗОВ

8 ноября 1938 года 17-летний еврейский юноша вошел в здание германского посольства в Париже и выстрелом из револьвера убил секретаря посольства фон Рата.

Обстоятельства убийства были более чем странние. Никому неизвестный юноша совершенно беспреступно проникает в кабинет секретаря посольства. Посольство охраняется, но у юноши никто не спрашивает ни удостоверения личности, ни имени, ни адреса, ни письменного объяснения цели его визита. Все это дает повод предположить, что убийство фон Рата — фашистская провокация.

Но так или иначе это убийство было нарку правителя фашистской Германии. Им нужен был какой-нибудь повод для того, чтобы начать гнусную антисемитскую кампанию, которую они давно уже готовили.

И действительно, тотчас же после полученного из Парижа сообщения об убийстве фон Рата, банды штурмовиков, заранее подготовленные, заранее переданные в штатское платье, по заранее разработанному плану выжили евреев в центральные районы, огнемные улицы и стады гетто, разграбили огромные склады нацистских еврейские магазины, кафе и мастерские.

Но разгромом магазинов дело не ограничилось. Евреи вытаскивались из квартир, выбрасывали через окна на улицы, арестовывали и везли в аэстенка Гестапо. В одном только Берлине было арестовано 10 тысяч евреев. В некоторых районах Германии было арестовано от 15 до 50 лет. В Касселе почти все еврейские дома были разгромлены, а затем сожжены. Евреи согнаны в одну большую толпу, и пожарная команда поливала их водой. В Дюссельдорфе потерпел бедную еврейскую семью из отрядов «гитлеровской молодежи» вытаскивали на улицы еврейских девушек, срывали с них одежду и заставляли нагих танцевать на мостовой.

Дикая и отвратительная охота на евреев продолжается и по настоящее время. На евреев нападения в еврейское население Германии нанесла контрибуция в 1 миллиард марок!

Фашистские газеты пытались объяснить эти организованные одновременно по всей Германии еврейский погром массовым взрывом народного возмущения. Какой наглый обман! С чудовищным глубоким негодованием и стыдом наблюдали германские граждане за кровавыми действиями гитлеровских молодчиков. Во многих местах произошли столкновения между гитлеровцами и народом, бравшим под свою защиту евреев. В Бреславе, Ганновере, Франкфурте, Кельне, Эссене, Гамбурге и других городах группы солдат и всененные женщины заступались за евреев. Десятки солдат, рабочих и штурмовиков. В Лейпциге три солдата взяли под свою защиту нескольких еврейских ребятишек, за которыми шли фашистские агитаторы «гитлеровской молодежи» до шесты. Отряд «гитлеровской молодежи» до шесты. Отряд «гитлеровской молодежи» до шесты. Отряд «гитлеровской молодежи» до шесты. Отряд «гитлеровской молодежи» до шесты.

Народ Германии ни в какой мере не поддержал погромщиков. Уже давно пробует ярый свет на нацистскую программу.

Преследования евреев и еврейские погромы не прекращались в Германии со времени захвата фашистами власти. Особенной силой эти преследования достигали в тот момент, когда фашисты встречались с особыми затруднениями в своей внешней или внутренней политике. Так, гонения на евреев усилились после 21 мая 1938 года, когда Гитлер, собиравшийся вернуться в Чехо-Словакию, пришлось отсутствовать.

Но ведь теперь как будто бы Гитлер «пообещал». Чехо-Словакия расчленена. В том-то и дело, что «пообещал» это какжукаше. Захват чехословацких земель не улучшил ни экономического, ни политического положения фашистской Германии. Трудности фашистского режима только больше усилились, недовольство растет с каждым днем.

Всему миру известно, как провозгласил на своем первом международном конгрессе, нацистские границы. Как бросился на рельсы, задерживая поезд, жены мобилизуемых, как бастовали рабочие, которых мобилизовали на строительство укреплений. В Саарбрюккене, на фронтоном городского театра, накануне убийства Гитлера красной краской был выведен лозунг «Евреи готовят месть». Фашисты знают, что время работает против них, и сделали попытку отвести от себя негодование масс через громоздкие антисемитские кампании.

Была еще одна грязная мысленка у фашистских заправил, организовавших еврейский погром. Бюджетные затруднения фашистов чрезвычайно велики. Когда фашисты привели к власти в государственный банк был запас золота в миллиард марок. Теперь там не осталось золота и за 70 миллионов. Грабя еврейские магазины, конфискуя еврейские счета в банках и сберегательные кассы, фашисты пытаются по большой дорожке начать пополнить свою истощенную кассу.

Не впервые умирающие классы хватаются за отравленное оружие антисемитизма — оружие обреченных.

Благодаря помере «Искры» в 1900 году Ленин писал: «Правительство, которое держит только силой штурмов, которым приходится постоянно сдерживать или подавлять народное возмущение, должно искать другую причину этого народного недовольства не устранит ничем: надо попытаться отвезти это недовольство от правительства на кого-нибудь другого. Развоятся, например, вражда к евреям; еврейский рабочий не страдает точно так же, как русский, от гнета капитала и полицейского правительства» (Ленин, Т. IV, стр. 63).

Благодаря по ярости и нечепывающую по существу характеристику антисемитизма дает товарищ Сталин.

«Национализм и расовый шовинизм», — писал товарищ Сталин в ответ на запрос еврейского комитета «Гетерогенного агентства», — есть пережиток человеконенавистнических нравов, свойственных формам каннибализма. Антисемитизм, как крайняя форма расового шовинизма, является наиболее опасным пережитком человеческого шовинизма. Антисемитизм выгоден эксплуататорам, как громоветх, выводящий капитализм из-под удара трудящихся. Антисемитизм опасен для трудящихся, как ложная тропинка, падающая в аду. Поэтому коммунисты, как последовательные интернационалисты, не могут не быть непримиримыми и заклятыми врагами антисемитизма.

Оружие антисемитизма никогда не приносило победы тому, кто вынашивал его. В еврейских странах с давних веков вытеснили германских князей утравляли еврейские погромы, пытались таким путем спасти умирающий феодальный строй. Ничего из этого у них не получилось.

В 1789 году, накануне великой французской революции, чтобы спасти свои замки от надвигающегося урагана, сенюры направили на евреев и «принесли их в жертву на алтарь свободы». Поэтому коммунисты, как последовательные интернационалисты, не могут не быть непримиримыми и заклятыми врагами антисемитизма.

Начануе революции 1905 года, когда в России нарастало революционное движение, директор парламента полиции Лопухин написал докладную записку в совет министров.

В этой записке Лопухин жаловался на то, что полицейская дружина ослабела теперь, «при современном состоянии общества, когда в России повсюду развивается недовольство существующим порядком вещей к сильное оппозиционное движение».

Эта «докладная записка» была издана в Женеве большевистской газетой «Вперед». Владимир Ильяев писал предисловие к ней. «Против народной революции, против классовых борьбы нельзя опираться на полицию», — писал Ленин. — Надо опираться тоже на народ, тоже на классы. Такова мораль записки. И это правда. Игнорировать мораль, на которой строится приходит самодержавное правительство. Ослабела дружина полицейских механизмов, недостатком явилось только военные силы. Надо разогнать национальную милицию, необходимо организовать верные сотни из рабочих, наименее развитых слоев городской (а затем, разумеется, и сельской) мелкой буржуазии, надо попытаться сплотить на защиту трона все реакционные элементы в самом населении, но и преследовать буржуазию в кружках и в борьбе одной части народа против другой части народа.

Именно так поступает теперь правительство, натравливая татар на армян. Надо пытаться вызвать против себя массы рабочих, студентов и крупных гимназистов.» (В. И. Ленин, Т. VII, стр. 154—155).

Черная сотня не спасла царизм от революции 1905 года. Но в 1913 году, когда вновь начался революционный подъем, умирающий царский строй опять взялся за старое оружие обреченных. Еврей Бейлиса царские жандармы обвинили в убийстве престолонаследника. Антисемитское, расовое, расизмское дело, привлекло массу «защедателей», разрубили во всех газетах о «страшном преступлении иудеев» и повалились с позором. Даже царский суд был вынужден признать полную невиновность Бейлиса. Ошкское, расизмское дело, задержанный на время наступившей войны, развалился в 1917 году революции.

Германский фашизм не отвел народную ненависть к себе, громоветх антисемитизма. Наоборот, с каждым днем антисемитизм вынужден писать сами фашисты. Так например орден штурмовиков отрядов «Шварце Кор» через несколько дней после начала погрома писал: «В последние дни после начала погрома писали антисемитские листовки, которые возмущают нас. Возмущают нас со сторонниками «любовя к ближним». Эти личности по каждому поводу систематически торжествуют критиковать мероприятия правительства. Но к чему доходить до обращения к стольким способам: повесить кулак к их носу. Час наизюбка пробили. Впрочем, эти подлые и злое индик критика являются армиями лишь по названию; на душе они евреи. Мы в состоянии разнать большие признаки расы».

Так фашисты выдвигали себя с головой. Значит, не в евреех дело, а во всех «критиканках», никакмысленных или «еврейских» индикантских, немилых расы. Чем уничтожить врагов фашизма, гитлеровцы готовы зачислить в разряд «евреев по духу» подавляющее большинство немецкого народа, а потом приступить за уничтожение этих евреев.

Как вы видите, фашизм имеет характер классовый характер антисемитизма, раскрывает, чьи оружием он является.

Гнев и возмущение во всем мире вызвали антисемитское зверство германских фашистов. Даже английские парламентарии, которые складываются в том, что согласовались Гитлеру, вынужденные были единогласно принять резолюцию, в которой они осуждали еврейские погромы в Германии. Это они сделали под давлением народа, чье возмущение дошло до предела.

После организованного царским правительством погрома в Белосток, когда черносотенцы разграбили сотни еврейских домов и убили сотни людей. Ленин писал, что симпатично народу, вышедшему на народ и сотни людей того действия, как одно такое событие» (В. И. Ленин, Т. IX, стр. 334).

Эти слова Ленина являются в такой мере отнесены к действиям современных фашистских правительств. Их действия вызывают гигантскую волну ненависти, негодования и возмущения у всех честных людей на земле.

НАРИСОВАННЫЙ ЧЕЛОВЕК

СКАЗКА

Этот был сумрачный холодный человек — художник Фердинанд Мартиник. Рассказывают, что белую краску он делал из сапоро, красную — из ржавчины, желтую — из опавших листьев, а синюю — из морской воды, когда в бурный предвечерний час волны с шумом шумом набегают на берег... Так рассказывали. И когда человек глядел на картины, нарисованные Мартиником, душу его охватывало такое ощущение, что он словно скорее вырваться из воды, подставить лицо ветру, солнцу, вдохнуть запах цветов, посмотреть на улыбающихся друзей.

Да, это был страшный художник, как свидетельствуют старые книги. Люди, животные, цветы возникали на его полотнах точно живые. Но у них не было сердца. Холодно свергло солнце — такими людьми можно ослепить, но не согреть. Море огромным омутом притягивало к своему глубину, пусто и тихо смотрели с картин нарисованные люди.

— Они совсем как живые — сказал как-то профессор Припе, осматривая портреты.

— Ну не совсем, сударь, — возразил садовник Питто, принесший язанку дров, чтобы прогнать галерею. — И слава богу, что не совсем. Если бы такие чудные люди по свету, кажется, в мою сад не перестали бы расти цветы. Нет, сударь, они не совсем живые.

И едва он сказал это, потемнело кругом, свиная туля закрыла небо, ветер зашел в камин и в сумраке от одной из рам точно отделилась несная тень.

Это продолжалось всего секунду. Самое лучшее — секунду. Ударил ветер, снова зашло солнце, снова стало светло в комнате.

— Сударь, вы ничего не заметили? — спросил Питто.

— Мне кажется, я кое-что заметил, — дрожащим голосом прошептал профессор.

— Вам не кажется, сударь, что вы на тон полотно, что сейчас зияет пустотой, был нарисован человек?

— Да, честный Питто, мне это кажется.

Значит, он убоялся, этот нарисованный человек — испугом сказал Питто. — О, я помню его: бледное лицо и пустые серые глаза.

— Лучше не говорить об этом, Питто, — прошептал профессор.

Вот как старые книги рассказывают начало истории о нарисованном человеке. И он появился из улиток города, человек с бледным лицом и пустыми холодными глазами. Странную власть имел этот человек. Он повидался и влюбленную казавшуюся девушку, с которой он говорил, чудесная, смеющаяся девушка, превратилась в альцую старую старуху, а мать, прижавшись к груди новорожденного ребенка, представлялось, что она терзает его. Люди боялись нарисованного человека, и вскоре он стал правителем острова.

Он ненавидел все: солнце, цветы и больше всего сад Питто. Он приказал покрыть землю железной броней, чтобы ни одна травинка, ни один цветок не могли пробиться к солнцу. И когда это было исполнено, он приказал построить огромную железную крышу над островом, чтобы солнце, луна и звезды не смели его беспокоить.

Остров погрузился в темноту. Он запретил петь песни, и страшная тишина воцарилась кругом. Вот какие события описаны в старых книгах.

Только одно любил нарисованный человек — драгоценные камни. Кровяные рубины, зеленые изумруды, бриллианты, повторяющиеся все блеск, все краски мира. И вот, вносивший краски, садовник Питто вышел раз на берег океана. Он был весел несмотря ни на что. Он пел песню про себя, веселая песенка звучала в его душе, улыбка сверкала в глазах. Не так-то легко тутучить смеяться старому доброму Питто, дровосека и садовника. Он

Вершиной своей дерево пробило железную крышу...

вышел на берег океана, разделся, нырнул в глубину. Волны сомкнулись над его головой. Все глубже и глубже погружался Питто. Страшные рыбы бросались к нему, ждала растерзав человека, но, увидев улыбающегося глаза, уплыла.

— О, — говорили они, — человек должен быть очень могущественным, если смеется над нами.

А Питто плаыл. Спирты скрывали его своим туманным, но он легко разорвал складочные путы. Вот и дно показалось. Зеленоватые пятна озарило водою. Еще одно усилие — и Питто схватил великий морской изумруд. Из дуговой дрыком охраняет богатства моря. Дракон выплывает из мрака, страшный бой начинается на дне. Кровью окрашивается море.

— Погиб добрый Питто, — говорят люди, собравшись на берегу.

Но что это? Тело дракона всплывает на поверхность, а вот показалась голова Питто. Он плывет медленно, окровавленный, усталый, выбирается на берег и идет ко двору правителя.

— Я принес тебе морской изумруд, — говорит он нарисованному человеку и разливает ладонь.

Страшный зеленоватый свет заливает комнату. Точно превратился она в дно моря. Русалки, морские рабы, спруты выныривают из этого свинья. Мертвенный огонь блистает на руке садовника.

— Какую же награду ты просишь за драгоценность? — спрашивает правитель. — Говори, а ты получишь любую цену.

— О, — отвечает Питто, — мне много не надо. Разрешите только освободить от железа ключок земли величиной с ладонь. Разреши посадить там одно дерево. Вот и вся награда за изумруд.

— Хорошо, — отвечает правитель. — Я разрешаю.

И земля была раскопана. Площадка величиной с ладонь была отведена под сад Питто. Как чудесно, как одуряюще запахла старая добрая земля! Какое счастье ощутил Питто, когда он вырыл ямку и положил на нее мягкое ложе зерно хлебного дерева. И зерно пришло. Все выше становилось дерево, все сильнее шумело оно непостоянный листочек. Оно росло с каждым часом, с каждой минутой — хлебное дерево. Могучие корни извивались под землей. Густая крона почти касалась вершиной железной крыши, огражденной остротой от солнца. И наступил день, когда корни, набравшись сил, выломали железную броню, окрывавшую землю. Она трещала с веселым гулом, как лед на реке, она ломалась в куски.

И вершиной своей дерево пробило железную крышу. Солнце зашло за землю. Горелое, летнее солнце. И из всех щелей стали расти ветви, жадно тянулись они вверх. Гигантские корни, синие колокольчики, белые ромашки, голубые незабудки. Нет, не когда еще не видел мир такого великолепия. И люди перестали чувствовать страх перед правителем. Веселая песенка Питто гремела на острове. Вот что рассказывают старые книги.

И как-то раз старый Питто пошел в язанку дров в галерею художника Мартиника. Он положил язанку на пол и подозрелась с профессором Припом.

— Добрый день, сударь, — сказал он. — Давненько мы не выидались.

— Да, Питто, много воды утекло с тех пор, как мы последний раз встретились...

— А не кажется ли вам, профессор, что кое-что изменилось в галерее почтеннейшего Мартиника?

— Кажется, добрейший Питто. Мне кажется, что на полотнах, которые тогда зияли пустотой, много нарисован человек с бледным лицом и пустыми серыми глазами. Он совсем как живой.

— Нет, сударь, К счастью, он не совсем живой, — сказал Питто и засвистал свою песенку.

Тянь-Шань... Проверка наряда на советско-китайской границе.

ПОГРАНИЧНИКИ ТЯНЬ-ШАНЯ

П. МАНУЙЛОВ

У ЧЕРНОЙ СКАЛЫ

На Тянь-Шане погода неустойчива. Бывает так: стоит замечательный июньский день, небо чистое, голубое, светит солнце. Неожиданно поднимается ветер, он крутит снежную пыль на вершинах и закрывает солнце тучами.

Старший дозора Маткин и боец Шарин попали в снежную бурю на перевале. Кони шли, выбиваясь из сил, низко наклонив головы. Пограничники были в таком месте, где основная тропа расходилась веером маленьких троп, которые вели в дикие звериные логова. Люди по этим тропам никогда не ходили.

— Туда не перевалить,— сказал Маткин, показывая на снежный хребет. И добавил спокойно: — Человек вернется!

Они остановились под скалой. Здесь было немного тише. Усталые лошади отдыхали. Ветер бушевал выше, завывая на вершинах хребта.

— Как бы он не миновал нас,— беспокоился Шарин.

— Не минут, путь только здесь,— ответил Маткин.

Шесть часов пограничники выслеживали неизвестного человека. Маткин увидел его издали. Человек в белой одежде поднимался по леднику на перевал, сливаясь со снегом... Слева Маткину показалось, что глыбы снега пошевелило ветром. Всмотрившись внимательно, он установил, что белое пятно упорно движется вверх по леднику. Сомнения рассеялись: по леднику полз человек. Дозорные

решили подняться на ледник, чтобы задержать неизвестного. На перевале их встретила буря.

Достигнув скалы, где они устроили привал, Маткин больше не беспокоился. Он знал, что неизвестный пойдет только здесь; другой дороги с ледника не было; по другую сторону путь неизвестному преграждала большая, глубокая пропасть. Маткин хорошо знал этот участок, он не раз сам искал обходных путей, чтобы миновать пропасть, но этих путей не было.

Вышло так, как и предполагали пограничники: неизвестный шел к ним. В снежной пурге он двигался призрачной тенью. Неизвестный шел, часто падая, не в силах сопротивляться встречному ветру. Вот наконец он добрался до скалы и решил отдохнуть в затишке.

— Стой! Куда идешь?

Часа через три буря стихла так же неожиданно, как и началась. Дозор сопровождал нарушителя по ущелью. Маткин внимательно осматривал задержанного, изучая его костюм, походку.

— Куда шли? — спрашивает Маткин.

— Я охотник... Шел за архарам.

— Один?

— Один!..

Когда пограничники достигли тропы, которая вела кратчайшим путем к заставе, Маткин неожиданно повернул коня в противоположную сторону, к скалам. Неизвестный заволовчился. «Вот оно что,— подумал Маткин,— наруши-

тель, очевидно, не один. Как видно, где-то здесь, поблизости, у него есть спутники».

Как только дозор поднялся к скалам, нарушитель усталое сел и попросил час отдыха.

Это еще больше убедило Маткина в том, что нужно срочно искать спутников неизвестного.

— Ждать меня здесь! — приказал Маткин бойцу, а сам, пришиорив коня, быстро поехал к скалам и тотчас же скрылся за громадными камнями.

Маткин перебрал в памяти все тропы, ведущие к скалам со стороны границы, стараясь угадать то место, где нарушители могли ждать своего разведчика.

«Надо ехать к Черной скале,— решил Маткин.— Туда нарушителям легче попасть по архарной тропе...»

Через два часа Маткин под'ехал к Черной скале, спешился, укрыв коня в пещере, а сам осторожно стал пробираться к архарной тропе. Маскируясь, он шел от камня к камню и вскоре увидел под скалой, немного в стороне от тропы, трех нарушителей. Маткин подполз к ним и неожиданно скомандовал:

— Руки вверх!

Нарушители были взяты врасплох.

На заставу дозор доставил четырех диверсантов, подосланных к ним с чужой стороны.

Начальник заставы, беседуя с Маткиным, спросил его:

— Как вы догадались, что первый задержанный был не один, а имел еще и спутников?

— Ботники первого нарушителя были порезаны о щелеви, это значило, что он шел аркадной тропой к Черной скале. Только на этой тропе так можно порезать обувь. А так как место это дикое и делать там одному человеку нечего, то и я решил, что Черную скалу нарушители наметили своим сборным пунктом...

Как показали дальнейшие события, пограничник Маткина не ошибся.

ТРОПА МУЛДАША

Путь по реке Н. был неизвестен. Начальник заставы не раз беседовал с киргизами-проводниками, но все они говорили: «Места дикие, непроходимые». Несколько раз охотники пытались пробраться по берегу реки к ее устью, но всякий раз возвращались с половинными путями сконфуженные. А в местах, где необходимо было перебраться через реку впрячь с конем, охотники просто не хотели рисковать собою.

Вскоре начальнику заставы потребовалось доставить пакет командиру пограничной, расположенной в долине. Обычным путем, через перевалы, попасть в долину можно было только на девятый день.

— Откройте путь по реке и доставьте пакет за три дня! — сказал начальнику заставы старшему наряду Мулдашу Мухамеджанову.

Наряд тронулся в путь. Бойцы выехали за ворота, застава скрылась в вихрях снега. Третий день на Тянь-Шане бушевала буря.

К вечеру бойцы были у подножья перевала. Здесь обычно останавливались на ночь, чтобы утром начать штурм перевала. Еще никто не осмеливался подняться на перевал пачой. Мулдаш хорошо знал тропу через перевал и

потому решил, не теряя времени, двинуться дальше.

Конь грудыо пробивался снег. Но вот кончилося ушелле и впередя забеледа ровная снежная гладь. Куда дангаться дальнее? Мулдаш не растерялся. Он вел наряд, руководившувся одному ему известными приметями: отсчитывал шаги лошади, разгребал снег на тропе, ощупывал камни, указывая наряду дорогу.

В полночь наряд был на перевале. Нужно было спуститься вниз по ледяному спуску.

Бойцы расстелили коврики, положили на нее коней, закутали их. Подошел Мулдаш. Он осторожно подтолкнул своего коня и тот начал спускаться по гладкому ледяному уклону вниз.

— Минут через десять спускайте своих коней! — сказал Мулдаш. Он подвинул ремень винтовки, оттолкнулся и покотился вниз, по следу коня. Таким же путем спустился и бойцы. Точно в назначенное время наряд пограничников был у истоков реки.

Река начиналась с ледника. Здесь она походила на ручей, а ниже все больше расширялась, собирая воды ручьев, водопадов.

У подножья хребта бойцы устроили привал — в долине весна... Через три дня мы увидим цветущие сады, — говорил на привале Мулдаш.

Второй день наряд двигался по берегу реки. Река мчалась вниз бурным потоком. Уже опасно было переезжать ее в брод. Но вот скала перегородила путь бойцам. Мулдаш решил переправиться через реку. Бойцы перевезли коня веревкой, закресив другой конец веревки на берегу.

Мулдаш погнал своего коня в воду; у середины реки течение подхватило всадника и понесло. Конь напрягал силы, чтобы удержаться на воде. Бойцы на берегу, натягивая веревку,

помогали коню бороться с течением. Были мгновения, когда казалось, что река вот-вот подглотит отважного пограничника. Но вот конь стал приближаться к противоположному берегу и шапнул ногами дню.

Через час вслед за Мулдашем переправились остальные бойцы. Для них переправа была уже значительно легче. Веревка провелаась год конем в стремени седла и закреплялась на обоим берегах, и конь уверенно плыл по реке.

За трое суток пути бойцам пришлось тринадцать раз таким способом переправляться через реку Н.

Мулдаш знал, что скоро откроется долина. Но для этого надо было взять еще один перевал. По обеим сторонам реки вздымались отвесные скалы. Вести дальше тропу по берегу было невозможно. Надо было подняться на скалы и проложить тропу по высокогорью.

Мулдаш тронулся к вершине горы. Здесь Мулдаш остановился, чтобы осмотреться. Впереди лежал песок. Мулдаш сел на коня и первым поехал узкой полоской песка. Конь старулся осторожню, чтобы не сорваться вниз. Наконец, опасное место позади, и Мулдаш начинает переправлять своих товарищей. Вот едет последний боец. Он уже проделал половину пути, как вдруг его конь остунился.

— Прыгай к скале! — кричала Мулдаш.

Боец повял и резко выскочил из седла к скале. Конь напрягал все силы, пытаясь устоять на тропе, но смученый тронулся и тащил его к пропасти... Конь перевернулся и упал с высоты в реку.

Еще несколько часов пути, и перед усталыми бойцами открылась долина. В назначенное время Мулдаш доставил пакет начальнику пограничной. Так была проложена новая тропа на Тянь-Шане по реке Н. — тропа Мулдаша.

Наряд пограничников. На переднем плане: знаток путей на Тянь-Шане тов. Мулдаш Мухамеджанов.

Колхозники пограничного колхоза изучают военное дело, учатся метко стрелять.

Доблестные воины Страны Советов

Положение, жившее до революции, хорошо помнит печальный образ солдата парковой армии. В народе сложились о нем горькие, но правдивые пословицы и поговорки: «Солдат горемыка — хуже знатного дворяка», «Кто больше служит, тот больше и тужит», «Служит сто лет, а не выслушает и ста реп».

Солдатская жизнь убивала замечательные врожденные качества русского человека. Один из них, побывавший до революции в России, писал:

«Русский солдат обладает многими прекрасными качествами: он храбр, верен и послушен, но не должен показывать ни малейшего признака ума. Ему не представляется никакой возможности проявить свой разум, инициативу. Даже слова, которые он должен произносить, вкладываются в его уста. Если офицер задает вопрос, на который он не может ответить, он не может говорить: «Не знаю», — а должен сказать: «Не могу знать!»

Англичанин независимо от своих побуждений нашал истинную правду.

Служба солдата была позорной обязанностью и тяжким яремом для крестьян, аристократии и в руках господствующих классов — капиталистов и помещиков.

Рабоче-Крестьянская Красная Армия — армия нового типа. Она коренным образом отличается от всех когда-либо существовавших и существующих армий капиталистических стран. Она создана для защиты завоеваний Великой Октябрьской социалистической революции.

За 21 год своего существования Красная Армия на фронтах войны, на редкость трудных условиях всего мира, стала могучей боевой силой. Эта армия не претендует на чужие земли и богатства, ей чужды захватнические помыслы, она зорко охраняет мирные труды своего народа. Красная Армия является армией защиты свободы и независимости народов великого Советского Союза, армией освобожденных рабочих и крестьян. Защита социалистической отчины для нас превыше всего. Наш народ горячо и безгранично любит Красную Армию, ничего не жаждет для укрепления ее боевой мощи.

«Обратили ли вы внимание, товарищи», — говорил товарищ Сталин на пленуме Моссовета в 1928 году, — что в старое время, да и теперь в капиталистических странах народ бодлся и продолжает бодаться армии, что между народом и армией существует преграда, отгораживающая армию от народа? Ну, а у нас? У нас, шворбот, народ и армия составили одно целое, одну семью. Нигде в мире нет таких любовных и заботливых отношений со стороны народа к армии, как у нас. У нас армия любит, ее уважают, о ней заботятся. Почему? Потому, что впервые в мире рабочие и крестьяне создали свою собственную армию, которая служит не господам, а бывшим рабам, ныне освобожденным рабочим и крестьянам.

Вот где источник силы нашей Красной Армии.

В странах капитала армии командуют только выходцы из буржуазии и аристократии. Наши командиры, комиссары, начиная от младших командиров и кончая маршалами Советского Союза, — выходцы из народа, поставленные на этот пост самим народом, его правительством.

Воин Страны Советов является гордостью своего народа, символом высокой культуры, политической сознательности, носителем всего лучшего, что есть в стране.

Народный комиссар обороню товарищ Ворошилов на торжественном заседании, посвященном 10-летию РККА и Военно-Морского флота, говорил: «Лучших людей, чем наши красноармейцы и краснофлотцы, трудно выдумать».

Личный состав Красной Армии и Флота строен из крепкого большевистского материала, смениторовыми военными комиссарами и партийными организациями.

Красноармейцы и краснофлотцы безгранично преданы своему народу, партии большевиков и вождю народов товарищу Сталину. Народ, родина для них превыше всего. Это ярко выражено в самой надежной и самой справедливой в мире присяге, которую принимают 23 января все воинов Красной Советского Союза. С неодолимой гордостью и величавым личным достоинством присягающие произносят воюющие слова:

«Я, гражданин Союза Советских Социалистических Республик, солдат капиталистической страны не может гордиться тем, что он гражданин государства, в котором господствует капитализм, внезапно эксплоатирующий и угнетающий трудящихся. Грозным предупреждением для всех врагов страны социализма звучат слова присяги:

«Я клянусь добросовестно изучать военное дело, всегда беречь военное и народное имущество и до последнего дыхания быть преданным своему Народу, своей Советской Родине и Рабоче-Крестьянскому Правительству. Я всегда готов по приказу Рабоче-Крестьянского Правительства выступить на защиту Советского Союза Советских Социалистических Республик и, как воин Рабоче-Крестьянской Красной Армии, я клянусь защищать его мужественно, уметь, с достоинством и честью, не падая перед врагом и самой жизни для достижения полной победы над врагами».

Верность этой клятве доблестная Красная Армия продемонстрировала в годы гражданской войны и не нарушала ее за все время своего существования.

Советский народ твердо убежден, что эта клятва не будет нарушена и тогда, когда наступит час защищать социалистическую отчину, чтобы враги.

В границах часто бывают случаи, когда пойманные шпионы и диверсанты, чтобы добиться освобождения, предлагают красноармейцам большие суммы денег. Но не было ни одного случая, чтобы кто-либо из красноармейцев поднялся на такое предательство. Верность нашим красноармейцам клятве прекрасно выразил пограничник одной заставы. Когда пойманный диверсант предложил большую сумму золотых, пограничник заявил с достоинством советского гражданина: «Родиной не торгуешь!»

Принимая присягу, бойцы торжественно клянутся быть бдительными, строго хранить военную и государственную тайну, а также выполнять все воинские уставы.

Красноармейцы и краснофлотцы являются сознательными и заботливыми хозяевами отечества, бережата непроизводительных затрат, экономны, они прекрасно знают, что огромное богатство страны: ее промышленность, сельское хозяйство, транспорт, ее леса, недра, воды — принадлежит им, их народу. Поэтому служба в РККА построена по принципу социального подчинения всего личного состава командирам, комиссарам и начальникам. Не случайно на каждое поздравление и благодарности начальная красноармейская служба Советскому Союзу», отвечает: «Служу Советскому Союзу».

Воины Советского Союза — полнокровные граждане. Солдаты всех капиталистических армий беспредельны. Они лишены возможности лабарить и быть избранными, они совершенно

отгорожены от политической жизни. В армиях фашистических стран, особенно в армиях фашистских государств, солдаты испытывают ступорную мушкет, так воскресяются нравы, введенные в XVIII веке прусским королем Фридрихом II, который заявил:

«Если мои солдаты будут думать, ни один из них не останется в рядах».

Служба в Красной Армии и Флоте знаменует у каждого молодого человека врожденные, характерные для русского народа черты героизма, доблести, смелости, находчивости, отвагу, инициативу и другие волевые качества. Нигде в мире нет таких неограниченных возможностей для совершенствования бойцов, как в Советском Союзе и прежде всего в Красной Армии. Воспитание РККА Героя Советского Союза летчик С. Черных на одном собрании заявил:

«Моя родина — родина мужества, смелости, революционной отваги. Быть сыном такой родины — значит обладать лучшими качествами, какими наделен человек».

Во имя родины, для счастья нашего народа воином Красной Армии и Флота отдают все свои силы, а когда требуется, то и жизнь. Свой пример храбрости, доблести и отваги проявили участники недавних боев у озера Хасан! Одиннадцатый патриот родины под командой лейтенанта Махалина принял на себя первые удары врага. 120 самураев палили залпами захлебываясь горстью германского пороха. Самостоятельно выдерживали натиск злобного врага. Раскалялись стволы винтовок, от непрерывной стрельбы имели руины. Штыки вонзились в землю, в бок вражеских рубах. Патеро остались, по несколько раз ранены, усилили огонь по врагу. И самураи, измевшие колоссальное превосходство, вынуждены были убраться восвояси, унеся подступами к себе трупики.

Это не единственный эпизод. Так дралась все наши части у озера Хасан.

Замечательные черты наших бойцов вынуждены признавать даже военные деятели буржуазных стран. Советскому журналу «Космос» (Нью-Йорк), сообщая о высокой оснащенности Красной Армии самолетами, танками и артиллерией, обратил внимание своих читателей на замечательные качества красноармейцев.

«За storm всех самолетов», — писал журнал, — танков и артиллерия стоит русский солдат нового типа. Что о нем можно сказать? На что он способен? Можно ли его сравнить с солдатами, который встретил поворное поражение в войне с Японией в 1904 году? Типичным красноармейцем является здоровый молодой человек, хорошо обученный своему делу, сытый и хорошо одетый».

Красноармейцы нашего отечества от царского солдата. В его руках находится современная техника, и он знает, как обращаться с ней».

Красная Армия — армия обороны, а настоящая оборона — это наступление. Поэтому Красная Армия и Военно-Морской Флот готовы бить врага там, откуда он придет. Великую справедливую войну на всех фронтах провозгласил наш вооруженный силы Советского Союза ни одной минуты не будут оставаться на своих рубежах, — они будут уничтожать поджигателей войны на их собственной территории. А в том, что они могут победить, — победа будет за нами, — не может быть никаких сомнений! Пороку служат несокрушимая боевая мощь вооруженных сил Советского Союза и высокое политико-моральное состояние красноармейцев, непоколебимо преданных своей родине, большевистской партии и ее вождю товарищу Сталину.

Если завтра война...

Фото и текст О. ЛАНДЕР

Перед нами группа учеников школы ФЗУ Тульского завода. В свободную минуту они собрались в клубе и слушают, как играет Тania Леонова их любимую песню «Если завтра война...»

Что будет делать каждый, если завтра враг навалит на нашу страну? Этот вопрос не заставляет тульские комсомольцы врасплох. Каждый из них взял на себя обязательство подготовить оборонный поздрав матеря-родине.

Маруся Манеркина и Шура Сучкова, ученицы-стенографистки, хотят работать медицинскими сестрами на передовой позиции. Коля Шербаков и Миша Кировкин, слесари, мечтают работать связистами. Коля Шеглов и Васа Куликов увлечены воздушным делом. В дни связанных боев на юбре Хасан они решили стать пулеметчиками-снайперами. Алексей Заваров, ученик наладчика, обещал стать метким гранатометчиком. Володя Сытин, инструктор слесарного дела, обещал без отрыва от производства освоить летное дело. Его мечта — всю свою жизнь посвятить авиации, но всея быть пилотом на великого летчика Валерия Чкалова. Тania Леонова в ползорок матеря-родине обещалась слать нормы на воронилковского стрелка 2-й ступени.

Как видите, эта веселая группа молодежи в любой момент может стать боевым отрядом. А пока они слушают любимую песню «Если завтра война...»

Верный «максим» готов к бою. Коля Шеглов застыл у прицела. Васа Куликов подает товарищу пулеметную ленту.

Алексей Заваров учится метко бросать гранату.

На этом учебном самолете Володя Сытин следя сканам на летчика. Сейчас он едет учиться в военную авиационную школу.

Tania Леонова умеет не только играть на рояле, но и метко стрелять на боевой винтовки.

В медицинском пункте Маруся Манеркина, Шура Сучкова и Васа Еласов учатся быстро и умело перевязывать раненых.

Миша Кировкин и Коля Шербаков — будущие связисты — на практических занятиях в поле.

Глава Суворова

«...Потомство мое прошу брать мой пример: до издыхания быть верным отечеству, убегать роскоши, пристрастия, корыстолюбия, и искать славы через истину и добродетель, которые суть мой символ...»

Так заканчивал в сентябре 1786 года генерал-иншеф А. В. Суворов свое заветное.

Его знал весь мир. Словно лет неутомимый вождь русских полков, действующий победоносными походами славою любимой России. Всею свою жизнь он учился, учился искусству побеждать врагов своей родины.

Великий полководец XVIII века не раз говорил, что военное искусство требует разносторонней образованности, высокой культуры. «Что до моих наук», — писал Суворов, — они состоят в математике, части философии, географии, истории, языках: немецком, французском, итальянском, польском, турецком с малой частью арабского и персидского, и финском...»

А. В. Суворов (1730—1800) жил в XVIII столетии, но жизнь на военном опережала этот век. Он поднял военное искусство на громадную высоту, превратил русскую армию в одну из лучших в мире.

Уже в так называемую Семилетнюю войну (1756—1763), которую Россия вела в союзе с другими державами против Пруссии, Суворов проявил себя. Он был в числе русских бойцов, громивших назвавшегося непобедимым Фридриха II под Кунерсдорфом, участвовал в операции по взятию Берлина. И в 1760 году Берлин был взят. Но возвращение пруссофила Петра III, подписавшего мир с немцами, спасло Фридриха.

В русско-турецкую войну (1768—1774) Суворов впервые применил построение войск в колонны.

В бое при Колудже 8-тысячный отряд Суворова стремительным ударом обратил в бегство 40-тысячную турецкую армию. Россия присоединила в результате войны свои области между Днестром и Бугом, Азов, Керчь, Кишинев.

Но вот велихла вторая русско-турецкая война — 1787 — 1791 годы. Вновь Суворов в наиболее опасных местах.

1789 год принес победу при Фокшанах. Суворов повел свои войска в атаку на турецкий лагерь под музыку и барабанный бой. Турки бежали, оставив лагерь с пушками и знаменами.

В бое при Рымнике Суворов разбил 40-тысячную отборную армию великого визиря, потеряв всего 2 тысячи человек. Около 20 тысяч турок было убито, много попало в плен. Пришел 1790 год. Суворов осаждал Измаил. Крепость, расположенная выше устья Дуная, кажется неприступной. Ее считают сильнейшей в Европе. Мощные укрепления, многочисленная артиллерия, более 30 тысяч гарнизона противостоят 25-тысячной русской армии, не имеющей даже осадных орудий. Но Суворов, уверенный в победе, решает штурмовать крепость.

«...командовавший гарнизоню, надменно сказал: «Смодей Дунай остановится в своем течении и небо рухнет на землю, чем сдаться Измаил».

«Чудо-богатыри, смотрите. Стены высоки, реву клубы от зной крепости, но все же мы ее возьмем», — говорил Суворов, «облекая полки.

Солдаты, воодушевленные этой непоколебимой уверенностью, кричали:

«С тобой воцарем, ведь нас!»

В приказе по осадной армии Суворов писал:

«Храбрые воины. Приведите себе в сей день на память все ваши победы и докажете, что

А. В. Суворов (1730—1800).

ничто не может противиться силе оружия российских войск.

10 декабря началась артиллерийская подготовка штурма. В ночь на 11-е штурмовые колонны двинулись в атаку.

«В Измаиле, казалось, все спит. Варгу словно вспыхнула крепость отгем: посыпался ядра, пули, картечь...»

Под яростным огнем неприступные русские солдаты забрасывали воя фашинами и по штурмовым лестницам взбирались на вал. Закипел ружейный бой... Самоотверженно дрались русские бойцы.

В 4 часа дня Измаил пал... Крепость была взята «малой кровью»: неприятель потерял более 25 тысяч человек, русских же погибло около 4 тысяч человек.

«Глаголом, быстрота, натиск, победа» — вот девиз, который лучше всего характеризует суворовскую тактику.

Характерной эпохой, относящийся к 1794 году Протвинском Суворовым были польские отряды. Польки засели близ местечка Прага (на правом берегу Вислы) и забрасывали русских бойцами. Подбегает сам Суворов. Один из офицеров докладывает: «У неприятеля есть орудия!» На это Суворов спокойно отвечает: «У него есть орудия? Так возьмите эти орудия и бейте его ими...»

И вот пехота героически бросается в штыки, выбивает врага и обращает его пушки против него.

Довольный Суворов «облекает ряды бойцов:

«Благодарю, ребята! Помни: пуля — дура, штык — молодец. Береги пулю в дуле на два, на три дня, на целую кампанию, если негде взять! Стрельяй редко, да метко, а штыком колга крепкой Удара штыком, да и тогда его колга И другого колга... Увидь не вешай, голову подбери, а глазами смотри; глядящю направо, а видишь в вылезю».

Стремительность суворовских передвижений порождала Еропу. Русские войска проходили за сутки 40—60 километров, а иногда, когда этого требовала обстановка, делали и 90 километров.

Не даром такая быстрота маршей войска в посылку: «Сколько от земли до леба? — Даа суворовских переходах».

В 1799 году русский царизм вошел в коалицию, составленную из Англии, Австрии и других стран, направленную против Франции.

Суворов был назначен главнокомандующим соединенной армией, действовавшей в Италии против французов. Маршеры, что Западная Европа не знала второго такого имени, способного противостоять Наполеону.

Суворовские войска разбивали в Италии лучших французских генералов несмотря на все препятствия, чинимые «союзниками»-австриянами.

В тяжких условиях бедорожия и страшной жары суворовские солдаты проходили по 100 километров за 2 дня, изумляли противника своей быстротой и готовностью мгновенно действовать после длительного перехода.

В сражении при реке Треббия 23½ тысячи суворовских бойцов разгромили 35-тысячную армию генерала Макдональда.

В августе 1799 года был разработан план нового похода Суворова. Целью этого похода было изгнание французских войск из Швейцарии, а затем вторжение в пределы самой Франции. Но австрийское командование предательски вывело свое войско из Швейцарии. Этим воспользовались главнокомандующий французской армией генерал Массена. Оставшаяся группа войск союзников была разбита до прихода суворовского отряда.

Суворов оказался предостережением собственным: в Мадриде было более 90 тысяч человек, Суворов — около 21 тысячи. Но великий русский полководец не растерялся. И вот суворовские «чудо-богатыри» (так называли их русские) солдаты двинулись через Швейцарские Альпы; и на этот раз они не отступили, армия была спасена. Суворов мог с гордостью сказать: «Орлы русские облетели орлы римских...»

Наступательная стратегия Суворова требовала быстроты маневрирования и сосредоточения превосходящих по численности сил на решающем направлении. Целью для кампания являлись не захват осадных пунктов, а разгром и уничтожение живой силы противника. Суворов учил армию наступать и побеждать, во всякого не отступать.

Боевой порядок в его армии предусматривал построение пехоты в две линии. Первая линия была развернутой, а вторая — в батальонных стрельки, завязывающие бой. Войны первой линии стремились опрокинуть врага, а вторая линия завершала разгром его.

Суворова отличала огромная личная храбрость. Сам он прошел путь от рядового Семевского полка до фельдмаршала. В руке и все время пули, в боку — картечь, поранены ноги, обожжено взрывом лицо...

Нерешительность русских генералов возмущала Суворова. Когда еще в Семилетнюю войну, после сражения при Кунерсдорфе, его спросили, как бы он завершил бой, молодой Суворов ответил коротко: «На месте главнокомандующего пошел бы на Берлин...»

Однажды во время маневров Суворов заметил, что резервный батальон стоит на месте, хотя обстановка требовала, чтобы батальон немедленно вступил в бой. Быстро подошел фельдмаршал к командиру батальона и спросил: — Что же ты не сдвинулся? — Да не хочу я прикалываться от генерала, — смущенно ответил тот.

— Эх, братец! Или вперед! Генерал убит: ты видишь; он едит без головы, — усмехнулся Суворов.

Главное значение в бою Суворов придавал

человеку, бою. Его сокращенная стратегия опиралась на широкие солдатские массы, на качество солдат, на их преданность своему полководцу. Суворов был тесно связан с солдатами, верил в них, а они в него. И он мог уверенно вести свой войска от победы к победе.

Полководец всегда и прежде всего заботится о людях и был превосходным воспитателем бойцов. Он требовал простоты и наглядности обучения и стремился к тому, чтобы «всякий воин понимал свой маневр». Со знанием выполнения своих обязанностей в бою — залог победы, учил он.

Суворов развивал в своих «чудо-богатырях» храбрость и презрение к опасности, решительность, находчивость. Говорил он образным, метким языком, понятным массе. «Есть три воинские искусства: первое — глазомер, второе — быстрота, третье — натиск», — учил Суворов. «Атакуй, коди, руби, гони, отрезывай, не упусти! Ура — чудеса творит, братцы!»

«Опасности лучше идти навстречу, чем ожидать на месте. Особо опасна ретирада: шаг назад — смерть», — поощлял он, считая отступление невозможным для русских войск.

Известен такой случай. Во время действия на реке Трещин (1799 год) батальоны Баргариона стали медленно отступать от превосходящего по силе противника. Узнав это, Суворов бросился к ним и закричал: «Заманная, братцы! Хорошо, шибче. Спасибо. Теперь стоем. Довольно». И повел преобравшимся бойцам в атаку.

«Разве с вами, чудо-богатыри, можно не победить? Вот мы пошли, взяли, разбили! Кто храбр, — тот жил! Кто смел, — тот цел!» Суворов не отрицал значения огня, но в условиях тогдашней военной техники (ружье слав было на 300 шагов при дальности действительного огня не более 60 шагов) учил, что не пуля, а штык решает судьбу боя: «Береги пулю в дуле; трою начекают — первого законят, второго застрели, третьему штыком начекают».

Маневрируя вне поля битвы, надо стараться выйти во фланг и тыл противника. Достигнув победы, неостаточно преследовать неприятельские войска, ибо «неодурбленный лес оштыт вырастет».

Сражаться надо не для захвата городов и сел, а в целях уничтожения живой силы противника. Но жестоко Суворов не признавал. «Неприятель сладок — пощадит. Грех напрасно убивать, они такие же люди».

Большое внимание уделял фельдмаршал обучению войск в мирное время. Во время маневров он заставлял их действовать в тяжелых условиях, приближаясь к боевым: «Тяжело в ученье — легко в походе, легко в ученье — тяжело в походе», — говорил он. В ученье был строг и требователен.

«Ученье — свет, неученье —

Переход Суворова через Альпы.

С картины В. И. Сурикова.

Великий русский полководец смело разрабатывал свою задачу, побеждал. Суворов требовал знаний, интереса к своему делу. Остро ненавидел он трусов, рутинеров, «немогунаев». Нередко распускал он их перед фронтом. «Богатыри! Неприятель от вас дрожит! Да есть неприятель больше: проклятая немогуназия! От немогуназий много, много бед!»

Получая свои Суворов обычно заканчивал собственным паролем: «Послушание, обучение, дисциплина, чистота, здоровье, опрятность, бодрость, смелость, храбрость, победа, слава, слава, слава!»

А как любил Суворова солдат! Солдатская масса ощущала его враждебность к прусским уставам и свирепой бесчеловечной дисциплине.

Солдаты знали, что Суворов их не предаст, что он так же, как и они, ненавидит праздных карьеристов и в горе-генералов, более «уфраксивавшихся на паркетах чем на полях сражений».

«Да он отец наш был, он все наше положение знал; жил между нами, о нем у нас каждая денга только и речи было, он у нас с языка не сходил», — говорили старые ветераны, верные боевые соратники неподающего фельдмаршала. Суворов был солдатский генерал! Первое, короток, второе, а приштучный резонанс; он никогда не прощарывал; как скажет, так по его и стаетея... Он умел побывать везде и посмотреть на правое и левом флангах; он прощаривал был и позицию злою хороною.»

Талантливый сын русского народа, он был пламенным патриотом. «Горжусь, что я россиянин», — говорил Суворов.

Два века отделяют нас от эпохи, в которой добивался Суворов. С его именем связана одна из блестящих страниц истории вооруженных сил нашей родины — история, повествующая о славе русского оружия.

Наша великая война показала всему миру неоскоружимость своей силы. Это грандиозной войны, в действиях у озера Хасан бойцы непобедимой Красной Армии показали исторически присущий нашему народу черм: храбрость, самоотверженность, преданность своей любимой родине до последнего дыхания.

С величайшей радостью и подъемом встретили бойцы Красной Армии и Флота Указ Президиума Верховного Совета СССР о тексте военной присяги.

Военная присяга учит всех нас защищать границы родины «совместно, умело, с достоинством и мутью, не щадя своей крови и самой жизни для достижения полной победы над врагами».

Наша социалистическая родина становится с каждым годом все сильнее и сильнее. У нас есть, что защищать, мы знаем, как защищать свою землю!

Суворовский генерал-майор вранца Павла II.

Суворовский генерал-майор вранца Павла I.

ВАСИЛИЙ БЬКОВ

— Вот я говорю, Вася, на смену нам идут новые люди, люди с высшим культурой, с тонким образованием, умные, интересные... Будем открываться. Вы, например... молодой советский интеллигент, год назад получивший высшее образование, можете ли вы называться новым человеком? Нет, Васенька, ни в коем случае. Химик вы неплохой, но спорю, комсомолец грамотный, и все-таки вы не новый человек... Вы, как это получите выправиться? Вы еще только полубразилира нового человека...

Раговор происходил в столовой Химического научно-исследовательского института. В углу, на столах, сидели двое: Александр Ефимович Пчелнин, низкорослый, плотный старик, и молодой аспирант Института Василий Бьков.

Пчелнин находился в Бькове внимательного слушателя. Видимо, в разговоре доблеющего поговорить чужаковского старика.

— Да, Александр Ефимович,— в раздумье говорил Бьков,— как бы хотелось встретить такого нового человека. Но где его найдешь? — Ну это вы, Васенька, яря,— горько перебил его Пчелнин.— Зачем ладить? Вы знаете другого сотрудника Рубинова? Какой человек Израдела какавал? От косиуса «фа» до Шекспира. Да-а, Сеня Рубинов,— это новый человек. Это почти человек будущего.

* * *

В комсомольской организации Института Бьков стал на учет недавно. Замкнутый и застенчивый, он мало знал ребят. Работал Бьков в секретной и совершенно изолированной лаборатории. Кто-то из комсомольцев дружелюбно звал Бькова «философом»: еще в юзе он делал свои симпатии между таблицей Менделеева и страницами Гегеля.

У секретаря Бьков значился середняком — так... парень толковый, интеллигент... Чаше всего Бькова можно было встретить в институтской библиотеке, в ней он и познакомился с Пчелниным.

* * *

Вскоре после беседы в институтской столовой Бьков познакомился с Рубиновым. Как-то Семен Рубинов пригласил Василия Бькова к себе:

— Один живу, по-холостички, не выжи... Василий зашел раз, другой... Так постепенно возникла дружба двух молодых ученых.

Они говорили о философии, литературе, о своих исследовательских работах. Василий и здесь оставался в тени и внимательно слушал удивительные рассказы Рубинова.

Как-то вечером Василий спросил, почему Семен не в комсомоле:

— Ты грамотный парень, какую пользу мог бы принести...

— Вася, голубчик,— рассмеялся Семен.— Да будь я в комсомоле, разве злости бы сейчас вести все эти интересные разговоры? Да никогда! Беседавала бы мы с тобой о кленских вносах, об очередном комсомольском собрании...

— Почему?— Василий гнул плечам.

— Да времени не было бы, дружище. Поэтому я беспартийный. Семен говорил, что я наярива протнул это слово,— кроме службы ничем не связан. Сам себе хозяин. Читая, брожу по разным местам. Знаешь, Вася,— уже серьезно заговорил Семен,— о комсомольских делах я думаю очень много. Воспитательное значение комсомола велико. Кажется, я устает так и сказано: беспартийная воспитательная организация молодежи. Ну я, тебе скажи по совести: нужно ли мне для тебя, для человека со сложившимся мировоззрением, воспитательная организация? Не лучше ли, вместо того чтобы тратить время на различные комсомольские дела, успешно работать над собой, что-

бы действительно стать людьми, достойными эпохи?

Василий молчал.

— Ага!— рассмеялся Семен.— Невега, брат, возмразить! Это не значит, конечно, что мы не должны помогать комсомолу. Я, например, на следующем комсомольском собрании сделаю доклад о литературе. Сам предложил вашему комсомольскому секретарю...

* * *

Доклад Рубинова оказался своеобразным. Молодежь не услышала знакомых ей имен. Высокий худой юноша, одетый с подчеркнутой небрежностью, называл малоизвестные имена, читал неизвестные стихи. Стихи были малоизвестные, но звучные, говорили о странной любви, о далеких мирах, воспевали эпоху...

Большинство комсомольцев доклад Рубинова не понравилось.

* * *

Прошло около месяца. На комсомольском комитете ставился вопрос о Василии Бькове. Что-то непонятное случилось с членом: начал отходить от ребят, собрание пропускал, появились будто ему одну работу — заказали...

Даже сегодня, когда на комитете должен был разбираться его вопрос, не захотел прийти. Комсорг утром в столовой встретил, предупредил, Мотуха головой Бьков: не пойду. А сам весь красный, смотрит в сторону, будто вярнуть криво обидел.

— Что, Вася, отстать тебя решил?— шуточно спросил Семен. И добавил уже серьезно:

— Эх, ты, философ, тренированный ум, полевое начало. Глупости делаешь, истеричку делаву изапахиваешь. Ты завтра вечером ко мне,— уже мягче продолжал Семен,— а сегодня одного приятеля жду... интересный человек. Послушаешь его и о комитете расскажешь, как ходит... Васенька у меня в партия, я не поладила... Пчелнин тихо, будто про себя, рассмеялся.— Ничего, ничего, а ты за комсомол держись. Изнутри орудуя, так то лучше будет... Пчелнин ухмыль. Поднял рюмку. Приятеля чокнулся и вынул...

* * *

Семен жил один. Маленькая комната его была заставлена вещами. Переполненный книгами шкаф, письменный стол с многочисленными безделушками, коряги, тарта с горой посуде... Люблю уют,— говорил Семен,— и сожаление, в наше время его трудно создать.

Василий пришел рано.

— Ни черта я не пойму, что за двойственность у тебя, Семен,— сказал он,— говорюши одно, а когда соглашаешься с тобой и начинаешь делать по-таому, ты уже напоятную.

Семен, улыбаясь, поглядывая на приятеля: — Ого, какой каплюк. Под философской внешностью оказалось пыльное сердце. Эх, Вася, все хорошо вовремя. Я очень рад, что ты разделяешь мои взгляды... Надо действовать уметь, и вот с этой точки зрения ты совершенно тактически ошибку сделал. Василий внимательно посмотрел на Рубинова:

— Если я тебя правильно понял, ты говорюши о действиях, направленных против...

Семен поморщился:

— Фу, какой ты! Ну что ты домишься в открытую дверь? Да, я говорю о переводе наших разговоров на практическую почву, но не так, как ты вылез из этого...

— Понимаю,— медленно заговорил Василий,— понимаю... надо бы так прямо и сказать...

— Ну и отлично,— обрадовался Семен,— а сейчас о делах кончим говорить, придет кофе, поточку вымоем. Давай пока выпьем... Семен и Василий, улыбаясь, внамя себе и Семен и Василий. Приятель выпил. В комнате было тихо. Израдела Василий ловил на себе испуганные взгляды Семена.

Звонок в парадную дверь нарушил молчание. Василий слышал в коридоре похаживание,

приглушенные голоса. Семен открыл дверь. В комнату вошел старый знакомый Василия — Александр Ефимович Пчелнин.

— Заручайте, Вася, адраствуйте, давленое не видится. Отбл и меня дружка, Сеня, ну да ничего, ничего. Ребята вы хорошие, кому, как не нам, дружить...

Пчелнин говорил торжественно, будто спешил куда-то. Здоровья не протривала, а выткал в руку свою маленькую пудру ладонь.

— А-а, выпиваете, очень хорошо. А ну-ка, Сеня, налей рюмочку.

Винья и изакомophil Пчелнин. Семен вытаскил закуску, еще бутылку вина.

— Друзья мои, жизнь — штука, быстро проходящая: сегодня вы молоды, а завтра стари, никому непушки. Уметь надо жизнь прожить, чтобы было что вспомнить. Права я, Вася, или нет?

Подогретый вином и вниманием слушателя, Пчелнин говорил все партия, горячее. Клевету, ложь, клеветы на адрастворившись он звонкими словами. Было тихо. Опустив голову, сидел Василий.

— Выпитайте мои мысли и разсите их,— звал Пчелнин.— О конкретных делах говорить рано. Поберите людей... Это и будет первое ваше дело.

Пчелнин прищурил свои маленькие глаза. Пальцы его рук двигались по скатерти как лапы лапы.

— Величайшая осторожность — усмотреть это, друзья мои, ам, Васенька, в особенности.

Василий пристально посмотрел на Пчелнина и, покажуй, впервые увидел в этих смешливых глазах страх.

Да, Васенька, вы особенно учтите это. Рассказываю мне Семен о ваших комсомольских делах, о горячности ваших. Нехорошо, очень нехорошо получается... Было время, я дружил с комсомолом, партприписанным был, тогда я и Васенька у меня в комсомольских хозд... Семен у меня в партия, я не поладила... Пчелнин тихо, будто про себя, рассмеялся.— Ничего, ничего, а ты за комсомол держись. Изнутри орудуя, так то лучше будет... Пчелнин ухмыль. Поднял рюмку. Приятеля чокнулся и вынул...

— Возвращаясь домой, Василий Бьков зашел в будку телефона-автомата и плотно закрыл за собой дверь.

На расставе трюмпети Пчелнин в Рубинов были арестованы органами НКВД.

* * *

Заседание комитета, на котором собиравлись обсудить поведение Василия Бькова, так и не состоялось.

Вместо него на закрытом комсомольском собрании, в повестке которого стоял только один вопрос — о бдительности, комсомолец Вася Бьков рассказывал о своем участии в разоблачении троцкистской банды.

— Стариком мне знатно понравился, так чудаковать немного, говорил иногда путано, но я думал, от старости это. Рубинова раскуса после первых же встреч. Этот Рубинов — активный и грамотный враг. Меня он вдувал так обрабатывать: патался учить на моей образованности и стравить от комсомола. Доклад о литературе был сделан, чтобы пропущу настроенные молодежь, знать, я какую сторону бить, где слабее. Но Рубиновский доклад молодежь не тривала, а для меня доклад был последним звоном в разоблачении этого гада.

Еще до этого я зашел к секретарю райкома, поделился своими мыслями... Нужна я был врагам — охотился за мной. Дулава: поддамся. В красивых разговорах я быстро обнаружил троцкистское зло... Да, товарищи,— Бьков помолчал, широко улыбаясь,— вот ям меня философши называли, иногда даже по имени, а философия мне здорово имела: даже по всеоружию врагов встретил.

Вечность и бесконечность вселенной

В. САФОНОВ

Начиная с этого номера «Смена» выходит отделе «Беседы с читателем». Цель этого отдела — разъяснять материалистическое понимание природы и общества, основы марксистско-ленинского мировоззрения. Просим читателей «Смены» присылать вопросы на все интересующие их темы.

В редакцию одного из журналов пришло письмо. Шура Герасимов из поселка Пяффио, Ленинградской области, писал в этом письме так:

«Я очень много думаю о строении и возникновении вещества, земли, вселенной. В некоторых книгах я читал, что пределов вселенной нет. Но это невозможно представить, воображение лопается. Как это нет пределов, за счет чего тогда существует в мире неограниченное количество вещества? Мы так привыкли к пределу, к закону сохранения вещества и энергии, что это никак невозможно представить... Ведь на нашей земле ничего бесконечного нет. За что материальное не возмись, все имеет свой предел, свой конец. Невозможно также представить, откуда возникло вещество. Ведь всякий предмет имеет свое материалистически объяснимое происхождение, закон сохранения вещества фигурирует везде в природе. А бесконечная вселенная, такая огромная масса вещества, вдруг появилась неизвестно откуда, ни рупишь земные законы».

Передая от детства к юношескому возрасту, все люди начинают формировать свое мировоззрение. Они ставят и пытаются разрешать, часто даже не подозревая об этом, самые настоящие философские вопросы. Молодежь одной великой родины стремится сформировать единственно правильное, диалектико-материалистическое мировоззрение, а исходя из этого мировоззрения понять и давние науки и самые общие вопросы о мире.

«Можно ли материалистически понять вечность и бесконечность вселенной?— вот о чем спрашивает Шура Герасимов.

Из популярных книг по физике, астрономии, по теории относительности наша молодежь узнает о том, что среди некоторой части буржуазных физиков имеют хождение теории «замкнутой вселенной», «расширяющейся вселенной» и т. д. Эти теории якобы опровергают материалистическое положение о вечности и бесконечности мира.

В своих недоумениях Шура Герасимов не одинок: вопрос, заданный им, часто задают на лекциях и беседах.

Вот почему письмо Шуры Герасимова стоит подробнее обсудить. Вопрос о вечности и бесконечности вселенной — это в самом деле философский и притом очень важный вопрос. Тот или иной ответ на него связан с коренными

разногласиями между материалистическим и идеалистическим мировоззрениями.

Разумеется, только один ответ на этот вопрос правилен.

Этот правильный и бесспорный ответ дает диалектический материализм — мировоззрение марксистско-ленинской партии.

Прежде всего попробуем разобраться вот в чем. Имеем ли какой-нибудь научный смысл вопросы: «откуда» возникло вещество, откуда возникла самая вселенная, за счет чего (как пишет Шура Герасимов) существует в мире неограниченное количество вещества?»

Великого английского ученого Ньютона, открывшего закон всемирного тяготения, иногда спрашивают вот какое недоумение. Если Солнце притягивает планеты, то понятно, что они не могут улететь от него: они должны ведь двигаться вокруг Солнца.

Но как началось это движение? Кто толкнул планеты в первый раз?

Ньютон никак не мог ответить на это и в конце концов решил, что толкнул мир в первый раз не иначе, как господь-бог. Известно, что под старость Ньютон, поглощенный своими религиозными идеями, вообще бросил заниматься наукой и умер, составив толкование к «Апокалипсису»¹.

А между тем вопрос Ньютона, если fortunately разобраться, основан на простом ignoranzии и содержит в себе грубую и физическую и логическую ошибку.

¹ «Апокалипсис» — название в конце I века нашей эры божественное сочинение, в котором «предсказывалось» «конец мира».

Портрет Фридриха Энгельса, когда ему было 24 года.

Зачем нужно было толкать и заводить мир? Разве он заволновал триггера?

Что вопрос Ньютона не имел физического смысла, науке стало ясно уже давно (еще в XVIII столетии). В частности как раз ту проблему, которая так смущала Ньютона,— как началось движение планет солнечной системы — изучила сначала немецкий философ Иммануил Кант (в то время еще молодой ученый, гораздо более смелый в своих взглядах, чем стал он впоследствии), а через несколько десятилетий после Канта ту же проблему исследовал механик и математик Лаплас.

Выводы, к которым они пришли, общезвестны и до сих пор изучаются в школах под именем гипотезы Канта-Лапласа о происхождении солнечной системы.

Согласно этой гипотезе, солнечная система вовсе не всегда существовала в том виде, в каком мы застаем ее сейчас. Небесные тела — Солнце и планеты — образовались из гигантской сгустившейся туманности. Оказалось, что, по законам механики, сгущающиеся части туманности неизбежно должны были прийти во вращательное движение. Без всякого толчка».

Значит, никакой «первоначальный толчок» астрономом не нужен.

Так говорит самая точная из наук — математика. Но и самая туманная до своего сгущения туманность была, конечно, «застывшей». В ней колебались, вбирывали, носились нациды вещества. В ней свершились тепловые и световые процессы. Ее всю захватывали бесконечно многообразные процессы движения.

Ни одна частичка туманности не была и не могла быть неподвижной. Ведь только поэтому и стало возможным дальнейшее развитие туманности, превращение ее в систему небесных тел.

Итак, по законам природы, движение не могло не совершаться и до и после сгущения туманности. Это движение только изменяло свою форму.

Более века прошло со времени создания гипотезы Канта — Лапласа. Гигантский рост научных знаний внес в нее поправки.

Большинство астрономов думает сейчас, что из сгустившихся туманностей образуются непосредственно не солнечные системы, а рои вращающихся и движущихся по сложным мировым путям звезд. Планеты-спутники, согласно некоторым гипотезам, порождаются уже звездами и при этом не всегда, а при некоторых особых обстоятельствах. (Так, английский астроном Джинс предполагает, что к нашему Солнцу некогда приблизилась другая гигантская звезда, она прошла мимо него на сравнительно небольшом расстоянии, и сила ее притяжения исторгла из массы Солнца «струю» огненно-жидкого вещества, распавшегося на планеты)

Но все эти поправки не касаются основного: именно что никакого «первоначального толчка» никогда не было и быть не могло.

Наоборот, сейчас совершенно ясно, что мировое движение никогда не замирируется и никогда не прекращается: не создается вновь: оно только изменяет свою форму.

Для современной физики очевидно, что неподвижный мир никогда не мог существовать. Ни одной частички в мире нет застывшей, неподвижной. В самой «твердой», «неподвижной» вещи всегда бесну движутся, носится

молекулы, атомы, электроны. Мир без всякого движения, неподвижная материя — это абсурд.

Естественные законы природы ведут к тому, что движущееся вещество во вселенной развивается, но никогда его движение не «зачищается» и не «кончается», не «стирается» и не «уничтожается».

Ошибка Ньютона была в том, что он не видел этих процессов развития, мировой эволюции. Следовательно, систему он представлял себе всегда той-вотч такой, какой он увидел ее в свою подзорную трубу. Говоря философским языком, он мыслил не в диалектическом, а в метафизическом (т. е., в «статическом») процессе движения, то есть развивался, он представлял их себе навсегда застывшими в той же форме). Мир у него в самом деле напоминал гигантскую заводную игрушку.

Вот почему, не умея объяснить, как естественные законы с самой собой все-таки порождут необходимые для них условия, чтобы породить движение планет вокруг Солнца, Ньютон вынужден был придумать стогонный над миром толчка, который толкает бы эту заводную игрушку, т. е. придумать бога!

Вопрос о «начале» мира, о «начале» материи тоже имеет много общего с вопросом о «начале» движения. Ньютон не мог понять, как это возможно движение без первоначального толчка, а люди, спрашивающие о «начале» вселенной, не могут понять, как это вселенная существует именно, совсем ниоткуда не возникшая.

В чем их ошибка? Они говорят, что всякий предмет имеет свое начало. Это совершенно верно. Но разве есть хоть один предмет, который возник бы из ничего?

Человек на земле не возник из ничего: он произошел от обезьянообразного предка. Чтобы лесной кабана надо взять ирку. Самолет строит из металла. Дереву растет, поглощая питательные вещества из воздуха и почвы.

Все планеты около двух или трех миллиардов лет назад отделились от огненного Солнца. И самое Солнце, как и все звезды, некогда образовалось из разреженной материи. Когда-нибудь, рассеяв свое вещество, нынешние звезды породят новые туманности. А затем в великом мировом круговороте опять засияют новые звезды.

Итак, всё во вселенной имеет начало и конец — всё, но не сама вселенная!

Ведь все вещи не просто имеют начало и конец: они превращаются одна в другую, и это как раз потому, что материя, из которой они состоят, вечна. В этом и состоит закон сохранения вещества, говорящий, что ничто в мире не может ни возникнуть из ничего, ни обратиться в ничто. Шуря Герасимов сослался на этот закон. Но ведь он как раз лучше всего опровергает рассуждения Шуря.

Спрашивать о начале мира так же бессмысленно, как спрашивать о начале времени.

А довод, будто нельзя себе представить вечного существующий мир, — очень плохой довод. Совсем даже это не довод. В течение тысячелетия люди не могли себе представить, как это воздух имеет вес, ведь во времена его, как это звуки порождаются воздушными колебаниями, пока это не доказали физики. Не могли себе представить, как свет производится электромагнитными волнами определенной длины, что такое эти волны и как это свет распространяется не мгновенно, а с какой-то определенной скоростью...

И много ли чего-либо могли себе представить люди, еще не знавшие тех или иных законов природы? Важно не то, что можно или нельзя представить, но то, что установлено наукой.

Но раз уж зашел разговор о «представлении», то нужно сказать, что вечность мира не только твердо установлена наукой и вытекает из всех законов природы, в сущности говоря, только такой вечный мир, — если разбираться, — и можно себе представить. Не то что мира, но даже возникновение из ничего самой пустой вещи ничем из нас не может вообразить. Попробуйте убедить своих знако-

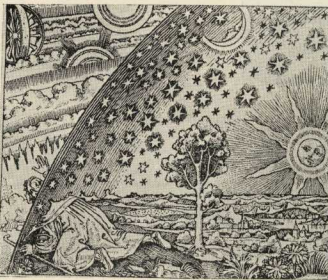
мых, что книга, которую они найдут у себя на столе, появилась сама собой, а не положена туда кем-либо!

Тот, кто говорит о начале мира, этим самым уже признается: я верю в чудо. Самое невероятное чудо! Чудо из чудес! Такое же чудо предполагал и Ньютон, представлявший мир чем-то вроде заведенных часов. Не даром, додумавшись до часов, он додумался и до часостроителя, который заводит эти часы.

А кто говорит о «мировом часостроителе»? Кто говорит о том, что мир был создан и будет уничтожен, когда наступит «страшный суд»? Попы!

Они так прямо и уверяют, что чудо сторожит мир в «начале» и в «конце» его. А чудеса творит бог.

Вечная вечна. Прилагать к ней меру, с которой мы подходим к явлениям и собы-

Средневековое фантастическое представление системы мира. По «Astronomiae Phaenomena».

тиям обывающей жизни, — это значит совершать грубую ошибку, смешивать совершенно различные вещи. Это знал уже три века назад великий философ Барух Спиноза, умевший мыслить материалистически. Он доказал, что вопрос о «начале» (и «конце») мира основан на недоразумении, что вселенная есть сама себе причина и объяснение. Бессмысленно доискиваться какого-то «начала» (и «конца») вселенной, равно как бессмысленно ставить вопрос, «из чего» мир существует.

Иногда приходится слышать, что и бесконечность вселенной в пространстве «нельзя вообразить». Мы уже убедились, что это плохой довод. Вот Дикордиано Бруно пошел на костер за то, что он наоборот, не мог представить себе, как это мир может быть конечным.

Не безразличие, а точное знание здесь решает дело.

Но спросим все-таки: а «конец», какие-то «пределы» мира вообразить можно? И что за это «кто»?

Тому, кто утверждает, что у вселенной есть «пределы», приходится допустить, что вселенная имела начало во времени, т. е. что было «сотворение мира». Ясно, что, думая так, нельзя называть себя материалистом.

Энгельс указывал, что бесконечность вселенной в пространстве и вечность во времени — неразрывно связанные вещи!

Вечность и бесконечность вселенной доказаны всеми данными современной науки.

А вот доказанный наукой факт в свою очередь подтверждает правильность диалектического материалистического мировоззрения. Ведь как мы с вами выяснили выше, бесконечная, вечная существующая материальная вселенная, развивающаяся по законам природы, по законам движения материи, которые вполне познаваемы

для науки, — такая вселенная совсем не нуждается в доуверении «толчка», «творца», «бога» и прямо исключает его существование.

Вот почему идеологи отживающего капитализма, отчаянно пытающиеся «сопротивляться» материализму, изо всех сил также «сопротивляются» неугодной им факт вечности и бесконечности вселенной.

Некоторые буржуазные философы выдвинули теорию «самости вселенной» и «расширяющей» вселенной. Изобретатели этой последней теории, начав с того, что мир имеет пределы, и впрямь договорились до утверждения, что мир имел (и при этом не так давно!) начало, то есть, что он был сотворен!

Разумеется, ни теи научных доказательств в свою пользу авторы всех этих «теорий» представить не могут. Все их «аргументации» сводится к жонглированию математическими формулами, оторванными от всякого реального, физического содержания.

Да мировая наука (ни физика, ни астрономия) и принимает всерьез этих знаменитых измышлений!

Но если в этих теориях нет ни капли философского смысла, зато есть очень определенный идеалистический, популистский смысл. Они снова пытаются очистить место для опровергнутых всем ходом развития науки, всеми опытом человеческой деятельности истинных учений о непостоянности мира, о «мировом часостроителе», о «творце вселенной», короче говоря, для старого знаменья — господ бога!

Фридрих Энгельс, великий сподвижник Маркса, писал, что это очень важный вопрос всей философии — вопрос об отношении мышления к земле, духа к природе. «Те, которые утверждали, что дух существовал прежде природы, составили и идеалистический и лагер. Те же, которые основным началом считали природу, применили к различным школам материализма».

«...Материя, природа, бытие, физическое есть первично, а дух, сознание, идеальное, духовное — вторично» — так пишет В. И. Ленин.

Материалисты знают, что мир материален, что он существует независимо от нашего сознания, развивается по естественным законам материи и законы эти вполне познаваемы. Идеалисты же считают мир воплощением духа («абсолютной идеи», «мирового духа»), утверждают, что материальный мир, вся природа существуют лишь в нашем сознании, в нашем представлении, в наших ощущениях и понятиях и независимо от них не существуют. А сущность мира, его законов и вещей, окружающих нас, по мнению идеалистов, непознаваема.

Идеалистическая философия расчищает дорогу поповщине, религии и пытается обосновать ее.

Так, как видите, поступают идеалисты и в вопросе о вечности и бесконечности вселенной.

В этой статье нет возможности подробнее рассказать о материализме и идеализме, о диалектике и метафизике, о великом мировоззрении нашей партии — диалектическом материализме.

Чтобы овладеть основами диалектического материализма, нужно много работать над собой, читать, думать. И прежде всего нужно изучать «Историю Восьмой Коммунистической партии (большевиков)», генеральную книгу создателей нашего мировоззрения: Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина.

Замечательная и глубокая характеристика философии марксизма дана в IV главе «Истории ВКП(б)». Ни один человек, интересующийся философией, не может пройти мимо этой характеристики.

ЛОЖНАЯ ЧУТКОСТЬ

Секрарь Ярославского резино-асбестового комбината Н. Тенилов явился на работу с опозданием на срок минут и был уволен за прогул.

Тенилов пошел в комитет комсомола. И в комитете комсомола покаялся Тенилов.

Как, уволить молодого комсомольца за какие-нибудь несколько десятков минут опоздания? Потому ведь он задержался не где-нибудь на вечеринке или в гостях, а в аэродроме, за изучением обрешотки спецальности! Где же чуткость? Где же забота о кадрах?

Колобов, секретарь комитета шинного завода, забегал по начальникам. Как хлопотливая наседка, вырвавшая своего пыльника, попавшего в беду, вырвала Колобов Николая Тенилова.

— Это же наша гордость, будущий летчик! — говорил он в одном месте.

— Ему же только восемнадцать лет, его надо еще растить и воспитывать! — говорил он в другом месте.

Болтая о чуткости, заботясь полюбимым образом о воспитании молодежи, этот «воспитатель» забыл, что говорил Ленин на III Всероссийском съезде комсомола: «Надо, чтобы Союз коммунистической молодежи воспитывал всех с молодых лет, с двенадцати лет, в сознательном и дисциплинированном труде».

Секретарь комсомольского комитета считает молодого человека допризывного возраста неспособным отвечать за свои проступки. Руководитель комсомольской организации выступает в защиту прогульщика, в защиту человека, нарушившего постановление партии, правительства и профсоюзов.

Брошек немного дней, и прогульщик был восстановлен на работе. По цеху вошли нехорошие разговоры:

— Опоздывать-то, оказывается, можно.

— Нет, что ты! Это только комсомольцам можно. У них вои какие заштанчики!

А что Тенилов? Какой вывод сделал он из всего этого? Когда его спросили, будет ли он еще опаздывать, Тенилов невозмутимо ответил:

— А что же, если задержусь опять, может быть, и опоздаю.

Резинокомбинат по вине прогульщиков, лодырей и детунов ежегодно недоделав стране сотни тысяч автопокрышек и камер.

Сейчас мы понемногу изживаем прогулы, — говорит Колобов, не замечая, что его слова звучат довольно иронически.

Именно «спонемому», а не сразу, решительно, как это следовало бы. На заводе за две недели прогуляли 69 человек, в большинстве — молодежь.

В резинокомбинатский райком ВЛКСМ приходят комсомольцы, которых уволили за прогулы. Секретарь райкома Иллев и его заместитель Грудлева почему-то считают своей обязанностью хлопотать за уволенных. Так было с комсомолькой механического завода Угрюмовой, опоздавшей из отпуска на 2 дня, с комсомольцем Мухамеддиновым, отказавшимся выйти на работу по погряжке торфа, и другим. Прогульщикам ищутся устроители, вместо того чтобы каждый такой факт обсуждать на комсомольских собраниях, воспитывать молодежь в духе нетерпимости к нарушениям трудовой дисциплины.

— Не хватает для всего времени, — говорят Иллев — Конечно, трудовая дисциплина — серьезный вопрос, но вопросов ведь много, и все важные...

Руководители райкома еще сами не упустили себе смысла постановления о трудовой дисциплине. Как же могут такие руководители воспитывать рядовых членов организации?

* * *

На Ярославском паровозоремонтном заводе программ и опоздания долгое время были бичом производства. Только за ноябрь и декабрь прошлого года во вине лодырей и прогульщиков завод недодал стране 30 паровозов. После опубличения постановления СНК СССР, ЦК ВКП(б) и ВЦСПС число прогулов заметно уменьшилось.

Комсомольская организация завода обещала все случаи прогулов комсомольцев (из числа 4 за полмесяца), но члены комитета пока еще склонны либерально относиться к прогульщикам. Комсомолец электрочекского цеха Шулков явился на завод в пьяном виде и не был допущен к работе. Комитет комсомола вынес такое решение: «Объявить Шулкову выговор по комсомольской линии и просить начальника цеха оставить его на работе» (!). Только после вмешательства

начальника завода тов. Сергеева прогульщик был уволен.

Комсомолка Бабышева, счетовод литейного цеха, была уволена за прогул. Девушка подала заявление в комитет комсомола, в котором требовала устроить ее на работу; Секретарь комитета Зенин просился хлопотать за уволенную. А о прогуле Бабышевой в комитете не говорили, вопроса этого не обсуждали.

Можно привести еще не мало случаев, когда комсомольские работники ярославских предприятий защищали прогульщиков.

* * *

Вожди нашей партии Ленин и Сталин всегда чутко и заботливо относились к людям. Товарищ Сталин, выступая в Кремлевском дворце на выпуске академиков Красной Армии 4 мая 1935 года, говорит: «Лоуинг «кадры решают все» — требует, чтобы наши руководители проявляли самое заботливое отношение к нашим работникам, к «малым» и «большим», в какой бы области они ни работали, выдвигали их заботливо, помогали им, когда они нуждаются в поддержке, поощряли их, когда они показывают первые успехи, выдвигали их вперед и т. д.»

Минимая «чуткость» руководителей комсомольских организаций Ярославля не имеет ничего общего с подлинной большинственной чуткостью. Заботясь о лодырях и прогульщиках, эти руководители оставляют без внимания честных, добросовестных работников.

Комсомольцы молодежной бригады по заготовке арматуры паровозоремонтного завода деловитыми своим мастером Тихоновым, которого нередко приходится размыкать часами, чтобы слать ему работу. Заинтересовался ли комитет комсомола этим фактом, помог ли он молодежной бригаде?

Знает ли комитет, что мешает работе мастера цеха конфекции Ланчикова?

И Колобов, и Иллев, и Зенин жалуются, что они иногда просто не знают, как поступить в том или вном случае. На разу ярославский городской и областной комитеты ВЛКСМ не собрали секретарей райкомов и заводских комитетов, чтобы побеседовать с ними, как скорее ликвидировать недисциплинированность комсомольцев, как наладить воспитательную работу среди молодежи. Секретарь горкома Федотов жалуется на большую загруженность, на отсутствие специальных работников по производственным вопросам, наконец, на недостаточное руководство со стороны обкома. Секретарь обкома Александров признает, что в борьбе за трудовую дисциплину им еще очень мало сделано, но, как только позволит время, он возьмется «проработать» этого вопроса.

Ленинско-сталинский комсомол должен по-большинству помогать партии в борьбе за укрепление трудовой дисциплины. Мало не только то, чтобы вовремя прийти на работу и повесить номерные табелы; надо, чтобы рабочий день был полностью загружен, чтобы станки не работали вхолостую. Передовая молодежь ярославских предприятий показывает, как надо бороться за полное проведение в жизнь постановления партии, правительства и профсоюзов. Она использует для производства полезного труда на благо родины каждую минуту своего трудового дня.

Рис. Д. Дубинского.

«НАСЕДКА»

Под крыльшком такой «наседки»
 Сподок выводок ещеплыват.
 Они клевать умеют метко
 И лишь работать не хотят...
 Покончить с покровительством пора:
 От этих птиц сии пуха, ни пера!

ТОЛЬКО ЛИ В МОСКВЕ?

(Отклик на письмо тов. К. Сахаровой в № 11 «Смена»)

НАШ СВЕРДЛОВСК

Наш Свердловск — большой областной, научный, культурный и промышленный центр. В Свердловске находятся такие крупные промышленные предприятия, как Уралмаш, Златоша, Свердловский металлургический завод, завод «Металлстек», станкостроительный завод и ряд других.

В нашем Свердловске есть институты: горный, лесной, педагогический, медицинский; госуниверситет и консерватория. Наш Уральский индустриальный институт — один из самых больших в Союзе. В Свердловске хороший театр оперы и балета, прекрасный драматический театр, театр музыкальной комедии, госфилармония и др. Почти каждый из нас, студентов, имеет льготный абонемент в один из театров и регулярно ходит на спектакли и концерты.

Как видите, жить у нас в Свердловске вовсе не скучно!

Ю. КАШИРСКИЙ,

студент-отличник Уральского индустриального института имени О. М. Кирова.

ДАЛЕКО ОТ МОСКВЫ

Я учусь в ардатовском сельскохозяйственном техникуме. Наш район сельский, он находится далеко от Москвы. Но и здесь, в равномосковском центре, есть условия, для того чтобы получить знания и стать полноценным специалистом нашего социалистического земледелия.

В Ардате есть и другие средние учебные заведения: средняя

школа, школа медицинских сестер, школа механизации сельского хозяйства.

Можно получить знания и в нашей сельской местности.

В. СОРОКИН,

студент IV курса ардатовского сельскохозяйственного техникума (Горьковская область).

В СТОЛЦЕ МАРИЙСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

Десяти кабков, первой — в тот чем знаменит был до революции город угнетенного марийского народа — Краснокошкэйш. Страшно вспомнить прошлое этого города ничуть и города.

Город не имел почти никаких каменных построек, а представлял собой грязную деревню, по улицам которой невозможно было ни проехать, ни пройти.

Трудно описать все те изменения, которые произошли за эти годы в бывшем Краснокошкэйш — Йошкар-Ола. Особенно за последнее время, когда Йошкар-Ола стала столицей Марийской АССР. Десяти учреждений членораздельного знания Дома Советов. Построены новые здания педагогического и лесотехнического институтов, средние школы, студенческие общежития.

В этом году в прекрасном здании расположилась феаль-

шерско-акшерская школа. В столице имеются два высших учебных заведения — поволжский лесотехнический институт и марийский педагогический институт, коммунистическая сельскохозяйственная школа, лучшая, музыкально-театральная училища, ряд средних и начальных школ.

Сотни сынов и дочерей марийского народа обучаются в высших и средних учебных заведениях Йошкар-Ола.

Когда-то у меня тоже было стремление жить в большом городе. В мае 1938 года и пригрозил. В Йошкар-Ола. Здесь я нашел все условия для интересной жизни и работы. Работать и одновременно учиться во Всесоюзном юридическом институте.

А. ЛАСТОЧКИН,

инструктор марийского ОГПУ Йошкар-Ола.

В № 11 «Смена» за 1938 год было напечатано письмо депутата Верховного Совета СССР тов. К. Сахаровой «Только ли в Москве?». В этом письме тов. К. Сахарова критиковала тех молодых товарищей, которые заявляют, что учиться, культурно расти можно только в Москве.

Письмо тов. Сахаровой вызвало много откликов. Редакция получила письма из самых различных мест Советского Союза, некоторые из этих откликов мы печатаем в этом номере.

УЧУСЬ ЗАОЧНО

Я хочу рассказать о своей работе и учебе. Я учитель неполной средней школы. Профессию эту очень увлекающая, и я ее очень люблю. Живу в деревне третий год. Верно, сначала сильно тосковало учиться и жить в городе, но через год мой взгляд резко изменился. Я люблю деревню, своих учеников, крепко сдружился с колхозной молодежью. Решил навсегда остаться в деревне. Работы в деревне много, почти непочтительный край.

Я работаю секретарем первичной комсомольской организации и агитатором. Регулярно посещаю участок, к которому я прикреплен, разъясняю колхозникам постановления партии и правительства.

Кое-кто из молодежи думает, что учиться и развивать свои способности можно только в учебных заведениях. Такие взгляды далеко не правильны.

Я учусь в заочном педагогическом институте, в моей учебе ничуть не мешает работа.

Я разделяю полностью мнение депутата Верховного Совета СССР тов. Сахаровой о том, что культурно расти можно не только в Москве, но и в любом, даже самом далеком уголке нашей прекрасной родины.

Ф. ЯКУНИНОВ,

учитель смоленской неполной средней школы Горьковского района (Горьковская область).

СВОЙ ГОРОД НАДО ЛЮБИТЬ

Рис. Б. Афанасова.

Нельзя назвать патриотом своего города председателя горсовета Ворошиловск — Елагина. Этот горе-руководитель не хочет использовать все торные ресурсы на реконструкцию города.

Коммунальное хозяйство города запущено. Во многих домах нет электрического освещения. Студенты в общежитиях спят в полутьме; керосиновые лампы плохо освещают аудитории и лаборатории.

Не знаю, есть ли еще где институты, в коридорах которых стояли бы негодяйская свинья. Это газ из химической лаборатории, в которой наши директора не могут установить вентиляторы. Есть ли еще институты, типичные звуковые киноаппараты?

В Ворошиловске есть также институты. В городском совете, в

Председатель горсовета. Учитель-роста. Ученики — свет.

Ред. Учился четвертый год, а свет все не берет.

рабочим отделе народного образования сидят холодные, бездушные люди. Они не заботятся о том, чтобы создать все условия для культурного подъема населения города.

П. ТАРАСЕНКО

ПРАВИЛЬНЫЕ МЫСЛИ

— Мне кажется, что тов. Сахарова высказала правильные мысли.

Я работаю 15 лет на партийно-советской работе, сам — местный житель Егоршинского района и из своего района ни разу никому не уезжал. Правда, некогда побывать в Москве, в таком замечательном, прекрасном городе, но учиться и работать,

и считаю, можно в каждом уголке Советского Союза. Я бываю, кончаю да класса сельской школы, в Москву учиться не езжаю, но благодаря Ленинскому комсомолу и партии большевиков, которые меня воспитали, я вырос в работника культурного фронта.

Т. ЕПАНЧИНЦЕВ,
ет. Егоршинский (Свердловская область).

ГЛАВНОЕ — ЖЕЛАНИЕ РАСТИ

Депутат Верховного Совета СССР тов. Сахарова задает молодым читателям вопрос: «Только ли в Москве можно культурно расти?». Конечно, нет! Правда, наша столица Москва является нас, совет к себе, но учиться, культурно расти и совершенствоваться можно не только в Москве.

Я учусь в педагогическом училище города Арзамаса, далеко от Москвы, но и здесь есть все условия, чтобы умножить свои знания, обогатить свою память новыми достижениями науки и техники. В городе Арзамасе есть педагогическое училище, техникум механизации, железнодорожный техникум, много средних школ, рабфак. Есть театр, звуковое кино.

И если только есть желание политически и культурно расти, то никакие препятствия не останутся этого роста.

МАРИЯ КОРОТКОВА,

студентка 3-го курса арзамасского педагогического училища (Горьковская область).

ОТ ПАНШИНА ДО ЛЕТЧФОРДА

19 февраля 1889 года А. Паншин, первый русский конькобежец, завоевал титул чемпиона России. В феврале 1938 года молодой конькобежец Е. Летчфорд получил звание чемпиона Советского Союза. Между двумя этими событиями эстафета пошла. В этом году исполнилось 50 лет отчетственного конькобежного спорта.

За это время 16 чемпионов вошли в историю спорта как самые искусные и выносливые. Русские конькобежцы с успехом выступали на крупнейших международных соревнованиях. Замечательный скоророход, первый чемпион России, А. Паншин был также первым чемпионом мира. Выступая в 1889 году в Амстердаме, на родине конькобежного спорта, против лучших конькобежцев того времени: американца Доминго, англичанина Леаде и местных голландских чемпионов, — Паншин завоевал титул лучшего конькобежца мира.

Но подлинного расцвета русский конькобежный спорт достиг в первые годы XX века, когда воцарился на московских катках Н. Седов. В 1904 году Седов завоевал первенство России и 4 года подряд удерживал почетный титул. Долгое время никто не мог перекрестить этого своеобразного рекорда.

Время Седова для меня — уже не история: это — мое детство: катание на фабричном дворе, са-моделные «снегурочки», как «Девички»...

Первые чемпионы России определялись только по одной дистанции — 3 версты. С 1895 года первенство России стало разыгрываться по двум дистанциям — на 1500 и 5000 метров. Для того чтобы получить звание чемпиона, нужно было выиграть эти две дистанции. В 1908 году, в год победы блестящего спринтера (скоророхода на короткие дистанции) Струнникова, в соревновании на первенство страны включен был третий забег — на 500 метров. И, наконец, в 1915 году, в год победы ставлера (скоророхода на длинные дистанции) Мельникова, была широко использована четвертая дистанция — на 10 000 метров.

В 1904 году Седов, впервые выступая на первенстве страны, прошел 1500 метров за 2 минуты 59,2 секунды, а 5000 метров за 9 минут 55 секунд. Сейчас так бегают наши юные конькобежцы-третьеразрядники. Но по тому времени это были замечательные результаты. Долго не имел Седов соперника. И только в 1906 году появился, наконец, соперник первого чемпиона. Молодой конькобежец Н. Струнников на первенстве 1906 года занял второе место.

С 1908 года наступило время Струнникова. Три года он был непобедим. Струнников, единственный русский конькобежец, 2 года подряд завоевывал первенство мира (в 1910 и 1911 годах). Струнников побеждал легендарного скоророхода — норвежца Оскара Матсена.

В 1912 году Струнников собрался снова за границу отстаивать

Мы печатаем очерк о конькобежном спорте 11-ратного чемпиона страны по каткам Я. Мельникова. Мельников вошел в историю мирового спорта как единственный конькобежец, — пишет П. Ипполитов. — Это рекордные пробы очень часто происходили в суровую зимнюю стужу. Чем жесточе условия бега: мороз, ветер, метель, снег, — тем на большее расстояние Мельников бросает своих противников.

У этого человека учился наш техникум и умевая тренироваться.

свой титул чемпиона мира, но для этого поездки не нашлось сотни рублей. Деньги собирали буквально по грошам. Это так оскорбило скоророхода, что он бросил тренировки и больше ни разу не вышел на лед...

Мне тогда было 14 лет, и я тоже был чемпионом... фабричного двора. Никто не мог угнаться за мной, и незлобно мои взоры обращались к «Девичкам», как называли мы, мальчишки фабрики Гюбнера, один из крупных московских катков. Там тренировались лучшие скоророходы, там устраивались соревнования.

Но где достать платочек на билет? Это было для нас, пожалуй, даже так трудно, как Струнникову достать 100 рублей для поездки в Норвегию. Сидя на заборе, мы не слухали глаз с бетонной дорожки, пытаясь изучая движения скоророходов. В будние дни мы пробирались через забор на каток, и я был для меня большего наслаждения, как обогатить какого-нибудь фаната-гимнаста.

Через год я выступил на школьных соревнованиях на катке Зо-лототского сада, где когда-то встречались Седов и Струнников.

Судья был сам Седов. Когда я леко обошел реалиста Рубцова, неоднократно победителя дет-

ских соревнований, Седов продолжил еще раз повторить пробег, и снова я был первым. После этого триумфа мне удалось раздобыть на рынке старые «бегатки». На изношенных, раздолбанных коньках пробыл и весь сезон. Меня никто не учил. В то время каждый скоророход ревниво хранил свои секреты. И если один чемпион знал, что его конкурент собирается тренироваться на том же катке, он немедленно отправлялся на другой.

Мое преимущество заключалось в том, что чемпионы не видели во мне быстро прогрессирующего конкурента. Знатные скоророходы не смущались моим присутствием и тренировались как ни в чем не бывало, даже не подозревая, что 15-летний мальчик пылко раскрывает их секреты. Сам собой разумеется, что я выбирал самых первоклассных учителей. Я знал, например, когда тренировался голландский чемпион России Н. Найденов. Лучший момент, я увидался с ним, копируя его движения скоророхода. Как-то заметив мои уловки, Найденов крепко отругал меня по слухам чехлами от коньков. Почесывая ушибленное место, я сошел с дорожки, но продолжал издали следить за тренировкой чемпиона.

Фото И. Фигурова.

Абсолютный чемпион СССР по каткам Е. Летчфорд.

Это было время молодых конькобежцев. Первенство России держали поочередно Василий Ипполитов, Платон Ипполитов и Н. Найденов, но рекорд Струнникова на 500 и 1500 м так же не был побит. В это время меня пригнали в Общество физического воспитания. Члены этого Общества были студенты, гимнасты, а я, ученик фабрики фабрики Шиделя, чувствовал себя здесь не так уверенно, как на фабричном дворе.

В 1915 году на коньках, купленных для меня вкладчиком членами Общества, я, 17-летний гимнаст, неожиданно для всех выиграл первенство России. Мои результаты на 500 и на 1500 метров были для тогдашних рекорды очень высоки: 46,8 секунды и 2 минуты 27,2 секунды. По этим, казавшимся тогда незаурядными цифрам видно, как далеко с тех пор шагнула вперед современная конькобежная техника.

Паншин прошел в 1896 году 500 метров в 52,8 секунды, Анкасов установил в 1937 году рекорды — 43,2 секунды. С. Пуревес в 1892 году прошел 1500 метров в 2 минуты 42 секунды. А. Кавчинский в 1938 году сделал шаг вперед и в 2 минуты 20,6 секунды. Тот же С. Пуревес 5000 метров прошел в 9 минут 36 секунд (1892 год). Е. Летчфорд установил рекорд на эту дистанцию в 8 минут 35,4 секунды (1938 год). Г. Росс в 1895 году держал рекорд на 10 000 метров — 21 минуту 5,6 секунды; Е. Летчфорд в 1938 году установил новый рекорд — 20 минут 11,7 секунды в 17 минут 44,2 секунды. До этого времени 20 лет стоял непобитым мой рекорд — 17 минут 48,7 секунды, показанный в 1919 году.

Таким красноречивым цифр. Каждая сброшенная секунда требовала огромных усилий, настойчивости, и все же по 4 классическим дистанциям время улучшено на десятки секунд.

Качими неуловимыми, медлительными выглядели бы сейчас самые первоклассные скоророходы прошлого. И в свое время как должны быть удивлены Струнников, Седов, являющая последние две выходы движения скоророходов были размышлениями, плохо скоординированными, незастывшими.

Из года в год, от одного соревнования до другого, совершенствовалась техника бега. Каждый крупный скоророход выискивал свое, новое в искусство скольжения по льду. Мастерство каждого крупного конькобежца сочетает в себе талант, Струнникова, Турбергера и новых норвежских мастеров: Балнграда, Стаксруда, Эгнестангена.

Русские конькобежцы внесли немалую лепту в международную сокращающую конькобежной техники. Знаменитые норвежские спринтеры учились у русских конькобежцев искусству длинных дистанций. Мы же учились у норвежцев замечательному мастерству эстафетного спринта. Привел в Советский Союз в 1934 году член

В НЕДАЛЕКОМ БУДУЩЕМ...

Рисунки Б. Анфилова

Текст К. Верина

пионов мира Балаштруда, Стакрудла и Энгистаганга — зал очень многое и молодым и старым скороходам. Именно после этого у нас выросла целая группа замечательных спринтеров — владение сорвременною ногою в русском конькобежном спорте. Анжанов, Кудравцев, Люскин, Капчинский, Игонкин и др. в очень короткое время довели всесоюзный рекорд на 500 метров с 45 секунд (установлен Калинитим в 1929 году) до 43,2 секунды (установлен Анжановым в 1937 году).

Искусство короткой дистанции было у нас в загоде до самого последнего времени. Именно качества спринтера помогли Анжанову в 1936 году отбоявить у меня звание чемпиона страны.

Анжанов в совершенстве владеет своими движениями. Эластичность бега, умелое распределение энергии на дистанции — вот его отличительные черты. Особенно силен Анжанов в бегах на 500 и 1500 метров. В прошлом году на этих дистанциях с ним успешно конкурировали Кудравцев и Капчинский.

В 1938 году в славный список чемпионов страны было вписано еще одно имя — Летчфорд, шестнадцатого чемпиона. Он выиграл первенство Союза в 1938 году. Летчфорд — прекрасный стайвер.

Обычно скороходы не обладают универсальными способностями. Конькобежцы, в совершенстве владеющие короткими дистанциями, слабы на средних или на длинных, и наоборот. Моя сила заключалась в том, что я развил в себе быстроту спринтера и выдержку стайвера. Эти качества чрезвычайно важны, так как победу дает сумма очков по четырем дистанциям. Летчфорд имеет хорошие показатели на 500 и на 1500 метров и очень силен в стайверских дистанциях на 5000 и 10000 метров. Победа на 10000 метров и второе место на 5000 метров обеспечили Летчфорду первенство 1938 года. Это первый чемпион Союза — немосквич и неленинградец: Летчфорд — студент Горьковского института водного транспорта.

Таков путь сот Пашнина до Летчфорда. За это время конькобежный спорт — забава для немногих — стал подлинным массовым народным спортом. Нет такого города у нас в стране, где бы не было молодых способных скороходов. У нас есть скороходы 12-летние и 50-летние. Еще живы первые русские чемпионы, и уже появились на беговых дорожках те, кому, быть может, суждено стать чемпионами мира.

До революции у нас почти не было женщины-конькобежцы. Сейчас наши спортсменки Акифьева, Кузнецова, Паромова, Валова, Исакова, Карелина смело могут оспаривать первенство у чемпионов мира Нильсоны.

Общественное соревнование на первенство СССР 1939 года, возможно, выдвинет имя нового чемпиона. Класс наших скороходов растет неудержимо. Сейчас лучшие норвежские скоростистки — для нас уже ранние противники, и я верю, что близок тот день, когда на давкооском льду прочно утвердится слава советских скороходов.

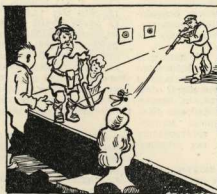
1 Давко — местность в Швейцарии, где проводится почти все конькобежное соревнование на первенство мира.

Молодой художник Б. Анфилов нарисовал несколько шуточных картинок на тему о будущих достижениях наших осовавианковцев.

Кое-что получилось немножко неправдоподобно, так сказать, фантастично, но не надо забывать, что и последние достижения, скажем, нашей авиации до

этого казались чудом. Уместно будет вспомнить здесь слова великого советского поэта Маяковского:

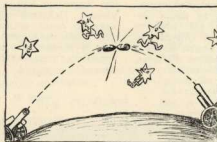
«И думаю я
обо всем
как о чуде:
Такое настало,
а что еще будет!»

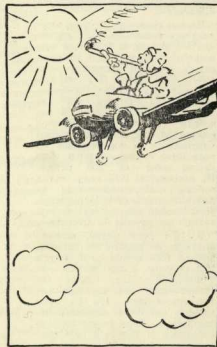
1. Стрелял неплохо Вяли Тель.
Для нас крупна такая цель:
Он — яблоко, мы — мушку
Берем себе на мушку.

4. Летит в неваданный полет
Наш межпланетный самолет.
А шар земной, свой темп кляня,
Взмолдился: «Подожди меня!»

2. Артиллерист найти сумел
Сверхметкоснайперский прицел,
Чему совсем не рад!
Ни звезды, ни снаряды.

5. Нет, «шарик» (Чкалов так назвал)
Для наших летчиков стал мал;
Плывет у солнца — ну, и прит! —
Решил цыгарку прикурить.

3. Разделю ледниками: они
На облаках проводят дни.
(Заметим в скобках, что пока
Нарит художник в облаках.)

Возможно, коль смотреть подряд,
Здесь много смешно,
Но в каждой шутке, говорят,
Есть истиня зерно.

НА СТАРОМ КЛАДБИЦЕ

СЦЕНКА ИЗ ЗАГРОБНОЙ ЖИЗНИ

Старо, заброшенно кладбище. Покоиснившиеся кресты, обветшавшие памятники. Желтая луна освещает одиноко на могилках солдаты Деникина, Врангеля, Корнилова, Петлюры. Матью и другими. Рядом с мудреные четиридесятка дерака оскелеты неизвестных офицеров. Часта овалы павших. Показывает Колчак.

ОДЕНИЧ. Адмирал прибыл. Опавдызаете, верховный правитель, опавдызаете!

КОЛЧАК (дороваясь). Не по моей вине, господа. Едва выбрались из своей могилы. Все, понаемате, заросла бурьяном...

КОРНИЛОВ. У всех заросли могилы. На что только смотрит кладбищенская администрация!

КОЛЧАК. Повесьте бы их, мерзавцы!

МАХНО (на сме и шливо). Скедет, а такой строгий!

ДЕНИКИН. Совсем неуместные колкости, уважаемый батько. Но где же, однако, Врангель? Вель он квартирует на этом кладбище.

МАХНО (стучит в могилу Врангеля). Барон, а барон!

ВРАНГЕЛЬ (из могилы). Падаю, господа. П'р'оставляю, никак не г'язящу свою бег'цовую кость.

(Вдали показывается аэлоат Окоропадского).

МАХНО. А вот и ад'ютант ского папшего Скоропадского.

ДЕНИКИН. Покреватите ваши плоские каламбуры, Махно. Глупо и безвкусно.

МАХНО. Чего в бутылку лезешь, генерал? Ты ведь диктатию тоже не создал.

АД'ЮТАНТ СКОРОПАДСКОГО. Зараставайте, господа, здравствуйте. А где мои друзья — немцы?

ГЕРМАНСКИЙ ОФИЦЕР. Немецкий покойник являлся аккуратно. Майль кайзер Вильгельм!..

МАХНО (офицеру). Фасону у тебя, что у ялого.

ГЕРМАНСКИЙ ОФИЦЕР. Замолчите, наконец, погромщики!

МАХНО. От погромщика слышу.

ВРАНГЕЛЬ (вылезая из могилы). Прогните за оползание. Только сейчас г'язьаскал. Ну, сегодня наше событие должно быть особенно тог'местиваемым. Я считаю, что его должен отг'язть стаг'шину по чину.

ПЕТЛЮРА. Нет, не по чину, а по стажу. Пусть откроет генерал Корнилов. Его поперого били.

КОРНИЛОВ. Хорошо, я открою. Только скоро ли приедут, так скажете, виновники торжества? Наше новое пополнение?

КОЛЧАК (задучливо). Путь у них дальний.

ЮДЕНИЧ. Вот уже сколько лет собираем мы на этом кладбище в ночь на 23 февраля. Дата для всех нас в одинаковой степени прискорбная.

ВРАНГЕЛЬ. Лежу я, господа, у себя в могиле и часто думаю: чем все-таки об'яснить наше пог'ажение? Офицеры были, огуние было, пр'ек'расно г'яз'аботанный ст'гаг'етический план был, а и'п'шло,сь, уд'язть. Ст'г'анно, очень ст'г'анно!

МАХНО (мечтательно). Так нелепо устроен свет. Сегодня барон, а завтра нет.

КОЛЧАК. Паши!

ЮДЕНИЧ. Вам, барон, еще не так должно быть обидно. А какое мне! Пулковские высоты занял. Отказался смотреть в бинокль на Петроград. Сказал, что завтра буду разгильзывать по Невскому.

ДЕНИКИН. А я в Украину являлся. Орел захватил, к Туле подбирался. Уже белого князя пригласили для в'езда в Москву.

КОРНИЛОВ. Вас, Антон Иванович, новый план большевистского наступления погубил. Как только направил красные свои основной удар через Харьков — Донбасс — Ростов, так вас и разбили!

ПЕТЛЮРА (аскакивая). Едут! Новое пополнение едет!

(Вдали показывается автомашина. Все поднимается с мест).

ДЕНИКИН. Господа генералы, верховные правители и претенден-

ты на российский престол, слушайте мою команду! Смирной Равнине направлю!

(Под'езжают и останавливаются трестроны, доворку забытые беспорядочной грудой самурайской кюресей. На передней панели выливаете относительно правично оскелатишнейя труп капитана Кватунаки.)

КВАТУНАКИ. Бесстрашные самураи честь имеют выжить. Банзай!

КОЛЧАК. В каком виде! Какой ужасный вид!

ЮДЕНИЧ. Почему же, господа, вы приезжаете, простите за выражение, авалом? На ослого прилично костюта. Хотя вы и потепрели поражение...

КВАТУНАКИ Хуже.

ДЕНИКИН. Вас разбили...

КВАТУНАКИ. Хуже.

ПЕТЛЮРА. Разгромили...

КВАТУНАКИ. Еще хуже. Нас расхлосали!

КОЛЧАК. Но позволяйте! Надо было хотя бы свои кости как следует собрать.

КВАТУНАКИ (раздражась). Попрошуе сами собрать кости у высоты Загорной!

МАХНО. Ну да чего там! (Кивая на грузовики.) Чем богаты, тем и рады.

КОРНИЛОВ. Теперь все в сборе. Считаю собранные открытым...
Е. и С. ШАТРОВЫ

Памятные ДАТЫ

том цветущей природы. Степное раздолье Удмуртии, краски Черного моря, короткого моря, радость творчества и наслаждение всем, что дает жизнь,— все это воскресал Багрийский. Но он меньше всего был «бесшумным гуляком», правдою наслаждавшимся тем, что давала ему действительность. Суворовая радость победы над врагами родины, радость славы и смерти за бою переданы им во многих прекрасных поэтических строках.

Мужественно и бесстрашно, как подобает коммунисту, погибает в Думе про Опанаса командир продотряда, и Багрийский заканчивает поэму словами:

Д. И. МЕНДЕЛЕЕВ
(105 лет со дня рождения)

С именем великого русского ученого Дмитрия Ивановича Менделеева (родился 8 февраля 1834 года) связаны величайшие открытия в науке и технике.

Менделеев сделал то, что до него не удавалось ни одному химику — он составил стройную, глубоко научную классификацию всех известных в его время химических элементов («периодическую систему элементов»). Попытки ученых классифицировать элементы по их различным физическим свойствам, по их отношению к кислороду, водороду и т. п. не имели успеха.

Менделеев доказал, что физические и химические свойства элементов зависят от их атомного веса. В составленной им таблице, носившей его имя, место каждого элемента определяется в зависимости от его атомного веса. Далеко не все элементы были открыты к тому времени, когда Менделеев составил свою таблицу (1869 г.), но великий ученый предсказал свойства тех, еще не известных элементов, которые должны были в будущем занять пустые клетки

в его таблице, и в погребу у Попова два, той же славыю кончивши, Как Опанас Ковалю.

Багрийский не погиб в бою, он скончался от болезни сердца 16 февраля 1934 года. В стихотворении «Рагавор» с комсомолкой Н. Демонтовой он писал о командире Красной Армии — участнике будущих боев:

А в походной сумке —
Спички и табак,
Тяжелый
Освежитель,
Пастеризан...

В походных сумках защитников родины будут и стихи Багрийского, и это лучшая награда замечательному советскому поэту.

его таблицей. Это предсказание блестяще оправдалось. Три неизвестных элемента, которые Менделеев

предсказал, были найдены и названы экаалюминием, экабором и экастронцием (по их сходству с алюминием, бором и кремнием).

наиболее действительно были впоследствии открыты: это были галлий, скандий и германий — и их свойства оказались именно такими, как предсказывал Менделеев.

Менделеев не мог найти объяснения открытию радиоактивности, так как в то время строения атома было неизвестно и, следовательно, было неизвестно, почему различались элементы с одинаковой атомной массой. Только в XX веке было найдено научное объяснение созданной Менделеевым системы элементов: оказалось, что атомный вес каждого элемента зависит от количества электронов, находящихся в его атоме.

Менделеев был смелым новатором не только в области теории, но и в области практического применения научных открытий. Он писал в 1888 году в статье «Вздуха сила, покоившаяся на берегах Дона»: «Настало, вероятно, время на земли вымывать не будет, а там а земле его сумеют превращать в горючие газы и их по трудам будут распылять на далекие расстояния». Подземная газификация угля, мысль о которой впервые была высказана в этой статье, «значит гигантскую экономическую революцию» (Ленин, Соч. Т. XVI, стр. 368). Она осуществляется на практике в наши дни: еще в 1931 году Сталинский ЦК ВКП(б) вынес решение о широком постановке подземной газификации угля в естественных подземных условиях. В Донбассе уже существуют три «Подземки». За научную разработку метода подземной газификации угля и успешное освоение этого метода всегда была и будет награждена орденами и медалями Советского Союза.

Наука и техника страны социализма идут по пути самых дерзких и новаторских, по которому шел великий русский ученый.

ЭДУАРД БАГРИЙСКИЙ

(5 лет со дня смерти)

В эпиллоге поэмы Багрийского «Дума про Опанаса» есть сцена, где красноармеец находится в степи «белый череп с дымкой над глазами»:

И промолвит он, почитав
Менделеева чинаю,
— Ты гляди за глаза живогие,
Ты погит, как надо!
И пойдит червез рывину,
Черев омут алой,
В молодую Украину,
В аято молодое...

В этих строках с замечательной силой звучат мотивы, характерные для всего творчества Багрийского. Поэт был влюблен в жизнь, его стихи щедро напичканы красками и звуками, полнокровным трепе-

Заметки от Дмитрия КНИЖНИКА

НА ЛЬДИНЕ

Советский читатель получил замечательный подарок — книгу И. Д. Панаяна «На льдине».

Автор этой книги — не писатель. И сама книга — только дневник, только добросовестная повседневная запись событий. Но читается она с не меньшим интересом, чем любой фантастический роман о полюсе.

«На льдине» — книга о передовой, советской науке, о людях, представляющих эту науку.

С первого дня прилета на полюс, как только выгружены были на лед приборы, в лагере началась научная работа. И потом, на протяжении всего дрейфа, в пургу, в жестокие морозы, не щадя ни сил, ни здоровья, во все 18 часов в сутки работают советские ученые — Широков, Федоров, Панаян, Кренкель.

«13 сентября.

...Как вынимаемый и добросовестно относящийся к своему работам Женя и Петр Петрович! Они стараются ничего не упустить.

... считаться со временем, много и трудно трудиться, часто по двое сутками спят, работают и в пургу, и в туман. Это люди большого трудолюбия и упорства. Мы, несомненно, приземем на материк с помощью научной материки...»

Радист Кренкель часто не спит по двое суток, передавая результаты научных наблюдений, метеосводки на остров Рудольфа.

Зимовикам присуща замечательная самоорганизация поллярных ученых. Их жизнь в лагере — это не хаос, а стройная система. Утром все время идет очень подолжительно: постоянные скатания, тренировки. Но главное — выполняются задания партии и правительства.

«21 сентября.

... Теперь нашей экспедиции ничто не угрожает, — скатываю в дальний спальный мешок.

... Пачеку? — удивился Широков.

Я объяснил.

— Мы прожили на льдине четыре недели, провели много научных наблюдений. Результаты наших наблюдений переданы в Москву. Если даже с нами что-нибудь случится, люди нашей экспедиции останутся для народов.

Эту мысль не раз повторяет Иван Дмитриевич в своих записках.

«На льдине» — книга о дружбе, о хороших человеческих отношениях хороших людей. С какой любовью пишет Иван Дмитриевич о своих «братках». Как воспеваются их жадность к работе, их человеческие качества!

О себе на протяжении всей книги он говорит очень мало. Выполнил он немалую самую тяжелую работу, он беспокоится только о друзьях: «братки» остаются, «братки» остаются, «братки» остаются... Заботится о каждом. Завел привычки и вкусны знает. Каждому старается помочь.

«На льдине» — книга о мужестве. Было написано немало патетических строк о мужестве и героизме панаянцев. Книга Панаяна по-настоящему открывает, как нам человеческим упорством надо обладать, чтобы провести девять месяцев на дрейфующей льдине, среди штормов полярного

бессонья. Льдина в постоянной опасности, но ее обитатели работают, шутят, находят время для чтения, для изучения английского языка. Спокойствие прежде всего. Даже когда к концу дрейфа льдина начинает крошиться и злоеся трещина проходит под жилой палаткой, — люди держат как обычно то же жадно, та же четкая, бесперебойная работа.

«1 февраля.

И играл с Георгием в шахматы. К концу партии мы успели сыграть три партии палатки. Решили не прекращать игры (мне казалось, что я все-таки выиграю)...

Тем временем Широков делал и вынул из палатки с фонарем. Вернувшись, он сказал:

— Трещина проходила рядом с нами. Она была абсолютно спокойна. Он сделал это сообщение тем же тоном, каким он обычно говорит, когда становится довольным.

Дрейф окончился. Четверо героев сняты с обломка льдины. Но еще долго с гордостью мы будем читать книгу о великом мужестве и героизме панаянцев, о великом мужестве и героизме панаянцев, о великом мужестве и героизме панаянцев, о великом мужестве и героизме панаянцев.

Ю. ГРАЧЕВСКИЙ

Шахматы

ОТДЕЛ ВЕДЕТ Л. ГУГЕЛЬ

САМЫЙ МОЛОДОЙ СОВЕТСКИЙ МАСТЕР

1938 год ознаменовался в шахматном мире выдвижением плеяды молодых талантов. Первенство Ростова на Дону завоевал шестнадцатилетний школьник М. Столберг. Звание чемпиона Украины завоевал студент днепротровского университета комсомолец И. Белевский; он опередил в чемпионате мастера Константинопольского и 16 сильнейших первокурсников республики.

Особо ярких успехов добился семнадцатилетний москвич — комсомолец Василий Смыслов, студент авиационного института. Верные в жизни он принял участие в чемпионате страны. И с перерывом в туре он занял место в группе лидеров соревнования. Бок о бок с ним шли гроссмейстер А. Лизинский, одареннейший мастер С. Белавенцев и другие. Юный Смыслов выиграл у Лизинского, нанес поражение мастеру Панову, Юдо-

вичу, Зубареву. После упорной борьбы первое место и звание чемпиона Москвы разделили В. Смыслов и С. Белавенцев.

После чемпионата В. Смыслов было присвоено звание мастера СССР по шахматам. В истории советских шахмат только один человек, кроме Смыслова, носил звание мастера в столь молодые годы. Это М. Ботвинник. К слову сказать, стиль игры Смыслова очень близок творчеству нашего первого гроссмейстера-орденоносца.

В начале текущего года Смыслов принял участие в тренировочном туре, где играли гроссмейстер П. Керес (Эстония), С. Решевский (США), А. Лиленталь (СССР), Г. Левингия (СССР) и ряд сильнейших советских мастеров.

Задача № 97

А. Ф. Малыхин (ст. Шарья, Северный ж. д.).

Задача № 98

Б. Н. Назаров (пос. Омут, Рыбинского района).

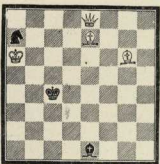
Белые, начиная, дают мат в два хода.

Белые, начиная, дают мат в два хода.

Задача № 99

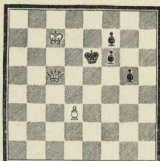
Н. Романовский (Петрозаводск)

Белые, начиная, дают мат в три хода.

Задача № 100

Для начинающих шахматистов

Белые, начиная, дают мат в два хода.

НЕОЖИДАННЫЙ КОНЕЦ

Партия между мастерами Валергом (белые) и Наги (черные), игранная в одном из иностранных турниров, пришла к такой позиции:

Белые: Крh2, Фг4, Сh4, п. а3, b4, e4, f2, f6, h3(f).

Черные: Крe8, Фf7, Лd3, п. а6, b5, e5(f).

Ход черных.

Положение черных безнадежно. Они, однако, учли возможность хитрой ловушки и сыграли:

1. Фг4—с8+ Крe8—f8
 2. Фс8—а6? Фf7—e8
 3. ... Лd3—b3+!!
 4. Крh2: h3 Фe8—e6+!!
 5. Фa6: e6
- Черным — пат, игра ничья!

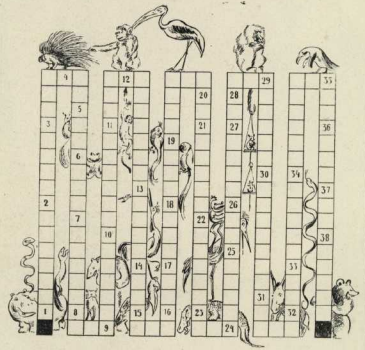
ЗООЛОГИЧЕСКИЙ ЧАЙНВОРД

Составил Ф. Благов (Москва)

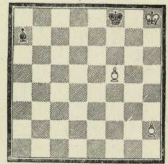
Чайнворд по-английски — крест слов. В чайнворде каждое последующее слово начинается с той буквы, на которую кончается предыдущее слово.

ЗНАЧЕНИЕ СЛОВ

1. Четвероногая обезьяна.
2. Млекопитающее, откладывающее яйца.
3. Хищная рыба.
4. Длинноногая птица.
5. Хищная змея.
6. Вилы.
7. Австралийское животное.
8. Заяц.
9. Рыболовое животное.
10. Зверь, покрытый иглами.
11. Полосатое животное.
12. Птица зеленого плутовщика.
13. Беговая птица.
14. Млекопитающее из семейства кошачьих.
15. Рыба из семейства тресковых.
16. Морское арктическое животное.
17. Длинноносое и длинноногое млекопитающее.
18. Ночная птица.
19. Порода жуков.
20. Огромное морское животное.
21. Наземное, живущее в полых ветвях растения.
22. Млекопитающее по складчатой шкуре.
23. Птица, прелестьная и мале рыцаря воевод.
24. Птица, встречающаяся и в джунглях на Яву.
25. Рыболовное животное.
26. Порода овец.
27. Хищник.
28. Хищник, встречающийся во всех частях света.
29. Кошачья птица.
30. Опыляющее животное.
31. Хищная птица.
32. Животное, съедаящее лягушки.
33. Другое название мыши.
34. Птица из рода боровых.
35. Кошачья кошка.
36. Кошачья кошка.
37. Самая птица из подсемейства врановых.
37. Наземное животное.
38. Водное млекопитающее.

Этюд № 19

Белые, начиная, делают ничью.

Эти же композициями продолжались наш конкурс решений, условия которого напечатаны в «Синих» № 1. Задача № 100 и этюд (также входящие в число конкурсных заданий) значительно легче других композиций. Советуем нашим читателям, еще не прибывшим своим сил в области решения шахматных задач, заняться этими композициями.

Зам. ответ. редактора М. Л. Гольдберг

Адрес редакции: Москва, 40, улица «Правды», 24, тел. Д 3-84-74

Оформление В. И. Урина

Славо в набор 17/1 1939 г.

Подписано к печати 13/II—1939 г.

Изд. № 94

Формат 72 X 110 см.

4 печ. л. 98 000 зн. в печ. л.

Уполномоченный Главлита № А—4188.

Технический редактор Б. М. Фейгин.

Заказ № 169 Тираж 45 000

Типография газеты «Правда» имени Сталина, Москва, улица «Правды», 24.

